

ВАЛЕРИЙ МАРЧЕНКО

АФГАН

РАЗВЕДКА ВДВ В ДЕЙСТВИИ

МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Вся правда о ВДВ. Воспоминания десантников

Валерий Марченко

**Афган: разведка ВДВ в
действии. Мы были первыми**

«Алисторус»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Марченко В.

Афган: разведка ВДВ в действии. Мы были первыми /
В. Марченко — «Алисторус», 2018 — (Вся правда о ВДВ.
Воспоминания десантников)

ISBN 978-5-907024-17-5

В ноябре 1978 года, после окончания Рязанского училища ВДВ, автор был назначен командиром взвода отдельной разведроты 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Через год вместе со своим подразделением он попал в Афганистан, где провоевал два года. О четырех годах службы в разведке ВДВ он честно и подробно рассказал в своей книге. Чему и как обучали бойцов разведподразделений Воздушно-десантных войск в мирное время и как они применяли полученные навыки «за речкой», когда в декабре 1979 года одними из первых вошли в Афганистан.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907024-17-5

© Марченко В., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	59
Глава 8	68
Глава 9	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Валерий Марченко
Афган: разведка ВДВ в
действии. Мы были первыми

© Марченко В. Г., 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

* * *

Предисловие

*Если б не Афгана
Чёрный омут,
Не предназначения
Судьбы...
Всё, возможно,
Было б по-другому,
Без смертей и горя.
Если бы...*

Написать книгу о боевых друзьях, разведчиках 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, выполнявших воинский долг в Афганистане, я решил давно и, скорее всего, по велению души. Хотя не все получалось сразу: идея рождалась, зрела, обретая нужное качество, пока не перешла в твердое убеждение – рассказать о парнях, выбравших жизненной позицией великую стезю по защите Родины, о десантниках, посвятивших себя службе в разведке Воздушно-десантных войск.

Не последнюю роль в решении написать книгу сыграли пожелания начальника разведки соединения гвардии полковника Скрынникова Михаила Федоровича. В своем письме он мне заметил: «Валерий! Обязательно издай книгу. Один экземпляр, заранее, для меня. В нее включи эпизоды ведения разведки, засад, поиска, боевых действий в составе рейдовых группировок. Районы, где проходили бои, привязывай к населенным пунктам, которые сохранились в памяти...»

И работа над книгой началась строками раздумий человека, для которого понятия «честь», «мужество», «отвага» – не просто слова, а смысл служения Родине. Как профессиональный военный, офицер разведки ВДВ, могу поделиться с вами: пришло время, и жизненный опыт призвал вспомнить афганские события шире понятия – интернациональный долг. Афганистан – жизненная позиция поколения, защищавшего интересы Отчизны за рубежом. Время выбрало нас!

Две мои командировки «за речку», растянувшиеся на четыре года, встречи ветеранов разведки ВДВ в Москве, Санкт-Петербурге, Витебске, явились последним толчком, побудившим включиться в работу над книгой о разведчиках, выполнявших специальные задания в горах Афгана. Не могу не сказать о том, что наш последний маргеловский выпуск 1978 года Рязанского высшего воздушно-десантного командного дважды Краснознаменного училища имени Ленинского комсомола прошел через Афганистан, Чечню, другие раскаленные войной регионы, где погибли замечательные парни: Игорь Турченков, Миша Румянцев, Фаиз Рашитов, Шура Палагин, Леня Озолин, Саша Толмачев... Многие выпали из боевого строя: смерть вырвала из наших рядов лучших ребят, воплотив их в гранит обелисков и стел, но холодный монолит ничто в сравнении с живой памятью наших сердец. Мы знаем и помним, какими они были, смеялись, грустили, как крепко дружили, воевали, и долг оставшихся в живых – не предать забвению ребят.

Рядом со мной воевали друзья – солдаты, офицеры, выполнявшие воинский долг в самом лучшем его понимании. Испытываю гордость за них и наши боевые дела, породившие дружбу в афганских горах на многие годы. Свою работу на войне мы делали честно и справедливо, без остатка отдаваясь профессии – защищать Родину! В Афганистане учились ее защищать тысячи парней, прошедших по горам и пустыням, чтобы бороться за единство России в других горячих точках планеты. Эти строки пишу в память о лучшем друге Толмачеве Александре

Михайловиче, погибшем за Великую Россию в борьбе с силами международного терроризма, о моих друзьях, разведчиках 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, самоотверженных десантниках, достойно выполнивших воинский долг перед Родиной!

Без малого 30 лет прошло с тех до боли памятных дней, когда колонны выводимых в Советский Союз частей 40-й армии проходили мост «Дружбы» через Амударью – РЕЧКУ, ставшую отметиной целому поколению молодых людей. Домой возвращались сыновья, мужья, отцы, беззаветно отдавшие самое святое – душу, сердце, любовь – Родине, воспитавшей в них чувство верности, преданности. И не сомневайтесь – с достоинством и честью сохранили они в себе эти качества, на которых выросли поколения офицерских кадров Вооруженных Сил СССР. Для нас Афганистан не закончился, он – в сердце, он – в памяти... Итак, разведка ВДВ в действии.

Глава 1

Начало моей офицерской деятельности после утверждения в качестве командира разведывательного взвода 80-й отдельной разведывательной роты дивизии складывалось удачно. Приезд в Витебск 5 ноября 1978 года, устройство в гостинице «Советская» прошли без проблем. С утра следующего дня привел в порядок парадную форму и ровно в 9.00 прибыл в штаб соединения для представления начальнику отдела кадров подполковнику Нежурину.

– Товарищ гвардии подполковник, лейтенант Марченко для дальнейшего прохождения службы прибыл.

Внимательный взгляд кадровика с черными усами вызвал волнение и даже трепет. Достав из сейфа мое личное дело, пришедшее из Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища, он открыл его, полистал.

– Присаживайтесь, Марченко. Как отдохнули? Вы из Сибири?

– Так точно, товарищ подполковник, из Томской области, сибиряк. Отдохнул нормально, готов командовать парашютно-десантным взводом.

Подполковник усмехнулся, продолжая изучать личное дело.

– У вас богатый послужной список, лейтенант: «учебка» в Забайкалье, шесть лет на сержантских должностях, наверное, скучно будет командовать взводом?

– С этого все начинают, товарищ подполковник.

– Гвардии подполковник, – уточнил начальник отдела кадров.

– Извините.

– Ничего, лейтенант, сегодня вы также становитесь гвардейцем прославленного соединения Воздушно-десантных войск. Привыкайте.

– Есть.

Нежурин, продолжая изучать личное дело, расспрашивал о службе в армии, учебе в училище, через какое-то время набрал номер телефона:

– Удалий, зайдите.

Через минуту в кабинет зашел крепкого телосложения капитан с академическим значком на кителе. Нежурин кивнул в мою сторону:

– Забирай лейтенанта, беседуй, через час доложишь.

Капитан повернулся ко мне и не очень внятным голосом представился:

– Капитан Удалий, начальник разведки дивизии. Идемте со мной.

Пошли по коридору штаба соединения к кабинету, на двери которого висела табличка «Разведывательный отдел». Я вошел вслед за Удалим. Скромная кабинетная обстановка: несколько столов, стулья, шкафы, за грудой бумаг сидел лейтенант.

– Филонов, принимай гостя, планируется вместо тебя.

Встав, лейтенант подошел, протянул руку.

– Николай, помощник начальника разведки. Присаживайся.

Удалий, усевшись за письменный стол, заваленный папками, бумагами, начал беседу, скорее – собеседование: он задавал вопросы, я отвечал. С первых минут стало ясно, что с начальником разведки дивизии надо быть очень внимательным: плохая дикция, несвязная речь сбивали с толку. Вначале он задавал общие вопросы, уточнил биографию, затем перешел на учебу в училище. Постепенно подошли к теме «Организация иностранных армий», некогда любимой для меня на занятиях по тактике, которые проводил полковник Колесников Петр Михайлович. Посыпались вопросы по американской группировке в составе НАТО на западно-европейском театре военных действий. Особый упор начальник разведки сделал на структуру авиационных крыльев США, дислоцировавшихся в Западной Германии, организацию 5-го и 7-го корпусов США в составе альянса.

По спине потек пот, стало душно, но на поставленные вопросы отвечал твердо, уверенно. Несколько раз не сходились в оценке личного состава механизированной дивизии США и 5-го армейского корпуса.

– Фионов, папку.

Помощник лез в первоисточник, находил, уточнял.

– Как с физической подготовкой? – подытожил наконец начальник разведки дивизии.

– Нормально, товарищ гвардии капитан.

– Пошли.

Вышли в коридор, по лестнице спустились во двор, где стояла перекладина.

– Давай подъем переворотом.

Сняв парадный китель, я положил его на скамейку и, сделав заскок на снаряд, приступил к выполнению упражнения на количество раз. Ржавая труба перекладины говорила о том, что офицеры штаба дивизии нечасто баловали ее вниманием. На двенадцатом обороте Удачный остановил.

– Достаточно. Как с рукопашным боем?

– В порядке. Спарринг, каты?

– Давай каты, – усмехнулся начальник.

Посмотрев с минуту, махнул рукой:

– Идем к Нежурину.

Зашли в кабинет, кадровик поднял голову от документов.

– Товарищ гвардии подполковник, лейтенант соответствует службе в разведке дивизии. Забираю к себе.

Нежурин указал на стулья. Присели. Полистав бумаги, он что-то сверил, уточнил и, наконец, поднялся.

– Гвардии лейтенант Марченко, – начальник отдела кадров соединения строго смотрел на меня.

– Я! – вскочив, принял положение «Смирно».

– Приказом командира 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии назначается командиром разведывательного взвода 80-й отдельной разведывательной роты дивизии. Приказ будет подписан сегодня. С этого момента поступаете в распоряжение начальника разведки Удалого. Желаю успехов, лейтенант!

С этого момента началась моя служба в разведке ВДВ. Осеннюю проверку рота сдала на удовлетворительную оценку, которая не устраивала ни разведчиков, ни командование соединения, поэтому с наступлением зимнего периода обучения началась кропотливая работа. Разведывательным отделом дивизии под руководством начальника разведки соединения Удалого был разработан план зимнего разведывательного выхода. Он предполагал комплекс мероприятий по совершенствованию боевой подготовки личного состава разведчиков в условиях, приближенных к боевым. Сформированы разведывательные группы, которые необходимо было готовить до способности выполнять учебно-боевые задачи в глубоком тылу противника в автономном режиме. Работа разведывательных подразделений в условиях полевого выхода, выполнение ими специальных задач решалась совместно с другими частями дивизии.

Действовал единый план, разработанный штабом соединения под руководством гвардии подполковника Чернова. На нас, разведчиков, особое внимание обращал командир дивизии гвардии полковник Рябченко. Мы всегда были в поле его зрения, поэтому разведотдел соединения, готовя план разведвыхода, учитывал многие составляющие. С одной стороны, отрабатывались чисто специфические задачи для разведывательных подразделений: ведение разведки, поиск, засадные действия, вскрытие объектов противника с переходами на большие расстояния. С другой стороны, в обязательном порядке решались вопросы огневой подготовки применительно к курсу стрельб, оружия массового поражения, включая нормативную базу, вожде-

ния боевых машин. Дело в том, что на итоговых проверках первый блок вопросов проверяли разведывательные отделы соединения и ВДВ. С огневой, политической, воздушно-десантной подготовкой, в том числе швартовкой техники, вождением боевых машин дело обстояло иначе – сдавали по общему принципу парашютно-десантных подразделений. Важными являлись необходимость расчета временных показателей, взаимодействие с другими частями дивизии в использовании стрельбищ, директрис, трасс для отработки вождения днем и ночью.

План парашютных прыжков разведчики выполняли на «отлично». Рота перешла на управляемые парашютные системы Д-6, освоила их, совершая прыжки из всех видов самолетов военно-транспортной авиации.

Воздушно-десантной подготовкой занимался Иван Комар как заместитель командира роты – инструктор ВДП. Оборудованный комплекс позволял проводить занятия по воздушно-десантной подготовке в полном объеме. Отрабатывали элементы прыжка с парашютом по этапам: с трамплина, при гашении купола в момент протаскивания, в чрезвычайных ситуациях. Командиры разведвзводов лично проводили занятия, тренировали разведчиков, готовили их к совершению парашютных прыжков.

В учебно-боевых буднях разведчики мужали, набирались опыта, боевого мастерства. Наши успехи не раз отмечались командованием соединения, а глазами корреспондента дивизионной газеты «Гвардеец» это выглядело так:

«Сегодня мы рассказываем о воинах-гвардейцах, разведчиках, которыми командует коммунист гвардии лейтенант Валерий Марченко. Нелегким был путь к успеху десантников коллектива. Позади остались будни ратной учебы, занятия, проходившие в обстановке, максимально приближенной к боевой. Одним словом, пройден серьезный этап солдатского становления разведчиков.

...Воздушный корабль идет на снижение, гасит скорость. С минуты на минуту ждут начала десантирования воины разведывательной группы, возглавляемой членом КПСС Валерием Марченко. Полностью уверен командир в каждом своем подчиненном перед выполнением сложной и ответственной задачи в тылу условного противника. А те в свою очередь не выказывают ни малейших признаков волнения, беспокойства. И, конечно же, пример берут они с офицера, своего старшего товарища. Обо всем красноречиво говорят глаза разведчиков, в которых отражается решимость, спокойствие.

Резкий, громкий звук сирены заставляет в считанные доли секунды полностью собраться. Теперь все посторонние мысли исчезают, мозг работает не лихорадочно, а быстро и четко.

– Пошёл! – следует долгожданный сигнал.

И тут один за другим стремительно бросаются в люк самолета отличники-парашютисты, гвардии сержант Анатолий Попков, гвардии ефрейторы Илья Семенов, Николай Швецов. Грамотно действуют разведчики в воздухе. Опытные, смелые, сильные и ловкие, они быстро достигают земли, освобождаются от подвесных систем и покидают площадку. Когда все разведчики в сборе, гвардии лейтенант Валерий Марченко уточняет боевую задачу, высылает вперед дозорных, и разведгруппа скрыто выдвигается в указанный район. Высокую ратную выучку показывает кандидат в члены КПСС гвардии ефрейтор Илья Семенов. Под стать ему комсомольцы Игорь Хрисанов, Борис Иванов, Сергей Остриков, Виль Мухаметзянов. Непросто ночью отыскать объект “неприятеля”. Но разведчики четко ориентируются на местности. Заметив парный патруль условного противника, дозорные немедленно докладывают об этом командиру. Не прекращая ведение разведки, группа останавливается, готовится к бою на случай, если вдруг будет обнаружена “неприятелем”, усиливает наблюдение.

Вскоре становится очевидным, что поблизости находится отыскиваемый объект – узел связи. Используя средства радиоразведки, десантники определяют направление на него, дальность, тип работающих станций. Затем уточняют координаты объекта, вскрывают

систему охраны и обороны, наносят все данные на карту, передают по радио все сведения начальнику, выславшему разведку, и приступают к выполнению последующей задачи.

За ночь войны оставляют позади в тылу условного противника несколько десятков километров. Однако, глядя на их действия, нельзя сделать вывод, что они устали.

Все поставленные задачи гвардейцы-разведчики в ту ночь выполнили на “отлично”. Такой же оценкой были отмечены умения и знания воинов на состоявшихся сравнительно недавно контрольно-проверочных занятиях. Они показали настоящую боевую зрелость десантников. На итоговом занятии по политической подготовке особого внимания заслуживали ответы коммуниста гвардии ефрейтора Ильи Семенова, комсомольцев гвардии сержанта Анатолия Попкова и десантников Николая Швецова, Бориса Иванова. Этим воинам проверяющий объявил благодарность».

Это общий фон накала учебно-боевых будней за полгода до входа в Афганистан. Так или иначе он отражает обстановку того времени: коммунисты и комсомольцы впереди, с них берут пример остальные, ориентируются в ратных делах. В этой статье читаем дальше:

«Выполняя социалистические обязательства, войны повседневно проявляли горячее стремление к совершенству своей десантно-полевой выучки, повышению уровня мастерства. И это помогает гвардейцам преодолевать все трудности, покорять намеченные рубежи. Подразделение воинов-разведчиков в зимней учебе полностью выполнило социалистические обязательства. В роте подготовлено 65 % специалистов первого и второго класса, все десантники здесь – значкисты ВСК, спортсмены-разрядники».

Высокую оценку разведчикам дало командование соединения, с серьезной подготовкой подходила разведка дивизии к началу боевых действий в Афганистане. Бытует известная фраза: «Хочешь мира – готовься к войне», и разведчики готовились к ней, следуя основному правилу: чтобы выжить – учись воевать. На земле Беларуси мы, офицеры-разведчики, постигая искусство войны, уже раскрывавшей свои объятия, учились сами и учили солдат, как надо воевать в современном бою. Чтобы понять накал учебно-боевых занятий, вернемся в ноябрь 1978 года.

Начальник разведки дивизии, командование роты проанализировали итоги осенней проверки 1978 года, в результате которых выявились недостатки, ошибки, недоработки командного состава. Зимний период обучения планировался с учетом выводов итоговых занятий прошедшей осени. Были определены основные направления деятельности офицерского состава, которыми стали: боевая и политическая подготовка, совершенствование материальной базы, воспитание личного состава, несение службы во внутреннем наряде. Надо сказать, что нарядов для отдельной разведывательной роты выпадало немного и они не мешали выполнению плана учебных занятий. Учили экипажи чувствовать время выполнения элементов 3-го упражнения из боевой машины десанта, делать «дорожку» при стрельбе по пулеметным целям, затем отрабатывали упражнение в целом. Офицеры подразделения, личный состав валились с ног от усталости.

Достигнутые результаты всё равно не радовали нас, потому что мы знали, чувствовали: до совершенства еще далеко и надо много работать. Это понимал офицерский состав, разведывательный отдел дивизии. Проходившие накануне, летом 1978 года, учения также вскрыли ряд недостатков, которые учитывались в дальнейшей учебно-боевой деятельности. Зимний период обучения 1978–1979 гг. готовился основательно, с учетом упущенных возможностей. Совершили несколько прыжков с Ил-76М на площадку «Беловодка» под Полоцком, отработали несколько длинных переходов с ведением разведки объектов. Зима выпала снежной, морозной, даже мне, сибиряку, было откровенно прохладно, а моим подчиненным-южанам приходилось вдвойне тяжелее. Но план зимнего выхода все равно не менялся, разведывательные группы парашютным способом были выброшены на уже известную площадку, в пунктах сбора

мы встали на лыжи и приступили к выполнению учебных задач. В интересах дивизии одновременно работало 12 разведывательных групп.

Каждая разведывательная группа получила задачу по ведению разведки в определенной полосе действий. Надо было не только обнаружить предполагаемые объекты разведки, но и установить их систему охраны, обороны, выявить уязвимые места проведения диверсионных действий, то есть, говоря языком разведчиков, вскрыть объекты. Снег был выше человеческого роста, и все бы ничего, но три разведчика моей группы впервые в жизни увидели лыжи. Очень тяжело давался переход Сергею Сафарову, Геннадию Баравкову (оба из Душанбе) – спортсмены-борцы, а вот на лыжах не стояли. (В Афганистан Сафаров входил в качестве моего заместителя командира разведгруппы, а после увольнения в запас в мае 1980 года моим заместителем стал Баравков). Борис Иванов из Фрунзе также тяжело переносил морозную зиму и самые сложные переходы на лыжах в тылу условного противника. В среднем суточный переход составлял до 60 километров по лесам Витебской области, но разведчики выдержали испытание суровой зимой и лютым морозом. Падали на ходу, засыпали, приходилось будить их, тормошить, применять не только понятные всем мать-перемать, но и физическую силу – они вставали, двигались дальше и выполняли задачи. Паники не было, как не было стога, нытья – группа упорно шла к намеченной цели, успешно вскрывая объекты в назначенной полосе ведения разведки.

За двенадцать километров до базы мы встретили разведывательную группу гвардии лейтенанта Ивана Прохора – разведчиков 350-го гвардейского парашютно-десантного полка. У Ивана солдат сломал лыжу, упал от усталости, больше не мог двигаться. С Прохором приняли решение: я поведу на базу обе группы, а Иван понесет своего разведчика на себе. Останавливаться нельзя, мороз доходил до минус 40 градусов. Вперед и только вперед! К обеду мы вышли к базовому лагерю. Через пару часов Прохор вынес разведчика на своих плечах живым и здоровым, парню была оказана первая медицинская помощь.

На учебных занятиях мы преодолевали сильнейшие нагрузки, но у нас было четкое понимание – только обстановка, максимально приближенная к боевой, может натренировать организм к сопротивлению, возможности выжить в сложнейших условиях. Как нам это пригодилось в Афганистане! А он был не за горами – за РЕЧКОЙ, в высоких штабах уже разрабатывались планы, наносилась обстановка на карты по оказанию интернациональной помощи... Вдоль советско-афганской границы до штатов военного времени разворачивались части и соединения, нацеленные на Афганистан, а мы, разведчики, постигали науку войны в учебных боях и походах.

Переходы длились несколько суток – длинные, изнурительные, мы не «засветились» контрразведывательным группам «противника», вскрыли объекты, о чем условным шифром по радио я доложил на базу. Восстановив силы в одном из коровников сельхозугодий Белоруссии, я повел группу дальше. Впереди еще было много часов тяжелого пути, который необходимо пройти, и провести мероприятия, чтобы не быть обнаруженным условным противником. Маскировали следы лыж, сапог.

Общая задача разведывательной группы обычно делится на этапы, каждый из которых требует определенного времени на выполнение. Командир в интересах выполняемой задачи рассчитывает временные показатели для использования возможностей группы в получении конечного результата. Главное – не повторяться! Ни в чём: ни в выборе маршрута движения, ни в способе захвата объекта, ни в методике его уничтожения. Анализ полученной информации по задаче командир группы проводит лично для себя – начальнику разведки, у которого одновременно работают 8–10 групп, мои выводы, возможно, не нужны, потому что аналитические исследования проводит разведывательный отдел соединения на основе совокупных данных, полученных из разных источников, разными группами, в разное время и в разных районах.

Другое дело, если требуется уточнить достоверность той или иной разведывательной информации, то и мне придется таким же методом проводить сбор дополнительных сведений.

Разведка – постоянное творчество, которому нужна и удача, везение, а, чтобы удача была удачной (извиняюсь за каламбур), ее нужно добиваться, вырывать у врага. К этому ведет долгий путь, его необходимо пройти через пот и изнеможение, ставя организм в самые невыносимые для человека условия, и преодолевать их на пределе возможного, что достигается путем системных тренировок. Я сам себя тестировал, проверял, расчеты привязывал к реальной обстановке, приходя к наиболее разумным выводам – разведчик должен обладать способностью быстро ориентироваться в обстановке и ставить обстоятельства на службу себе, при этом всегда поддерживать профессионализм в соответствующей форме.

Глава 2

Лето 1979 года для разведчиков дивизии было характерно тем, что разведывательные подразделения соединения отрабатывали совершение прыжков с парашютом из самолетов военно-транспортной авиации, проводили учебно-боевые мероприятия по ведению разведки с переходами на большие расстояния. Разведка применялась в действии по полной программе: офицеры, прапорщики в семьях бывали нечасто, забегали иногда на ночь, чтобы привести себя в порядок, «отметиться» в семье и отбыть в леса Белоруссии. В этот период стало известно, что в августе разведчикам соединения предстоит участвовать в стратегических учениях Белорусского военного округа с практическим десантированием с малой высоты и решением разведывательно-диверсионных задач в тылу условного противника. Началась кропотливая подготовка к учениям: отработка степеней боевой готовности с выходом в районы сосредоточения, ожидания, швартовка техники, подготовка ее к десантированию, изучение объектов вероятного противника, укладка парашютов и парашютных систем. Решалось множество других организационных вопросов.

Началом подготовки к важнейшим учениям явилась отработка задач летнего разведывательного выхода. Насыщенный план мероприятий учитывал направления деятельности, которые необходимо было отработать в полевых условиях – длительные многокилометровые переходы с вскрытием объектов условного противника, его средств ракетно-ядерного нападения, командных пунктов, штабов, аэродромов. В базовом лагере «Лосвидо» планировалось выполнение упражнений из всех видов вооружения, отработка задач по вождению боевых машин. Не менее важным являлась тренировка нормативов по защите от оружия массового поражения, физическая, работа на средствах связи. На коллектив разведчиков легла огромная нагрузка и ответственность в решении задач предстоящих учений. С одной стороны, мы были обязаны закрепить достигнутые результаты весенней проверки, с другой – не ударить лицом на важнейших маневрах Белорусского военного округа и качественно подготовиться к сдаче осенних испытаний.

В установленное штабом соединения время «Ч» разведывательные подразделения дивизии были подняты по учебно-боевой тревоге. После подготовительных мероприятий мы совершили марш-бросок в район базового лагеря, где завершили работу к проведению разведывательного выхода. На воздушно-десантном комплексе офицерский состав роты провел предварительную подготовку личного состава для совершения прыжка с парашютом. Прыжок готовился из самолета Ил-76М с оружием и снаряжением. С учетом задачи прыжка офицеры тренировали разведчиков к его совершению: каждый солдат, сержант получил не менее чем хорошую оценку за практические действия.

Ранним утром на машинах прибыли на аэродром «Северный» города Витебска. Зашвартовав оружие и снаряжение, прошли линии контроля, загрузились на борта. Взлет прошел нормально, вышли в эшелон. Перестроившись в боевой порядок, самолеты заняли коридор и последовали в район десантирования. Вроде бы все как всегда, но теперь много раз отработанные действия необходимо было применить практически, выполнить в комплексе поставленных задач. По изменению режима работающих двигателей чувствуем – идем на снижение. Огромный Ил выходил на боевой курс, гасил скорость, дрожал, проваливаясь в воздушные ямы – самолет неустойчив при выходе на скорость выброски десанта.

Свистящий гул турбин становился тише, на лицах десантников чувствовалось напряжение. Выпускающие прошли по бортам, проверив зацепление карабинов камер стабилизирующих парашютов. Волновался инженер по десантному оборудованию: пристегнувшись в кресле, поворачивал голову на левый и правый поток десанта. В момент десантирования экипаж самолета испытывает сильнейшую психологическую нагрузку, ответственность за точность

выброски парашютистов огромна. Выпускающим мне часто приходилось заходить в кабину экипажа и видеть напряженные, сосредоточенные лица тех, кто доставлял нас в район десантирования. Летчики рассказывали, что за одну выброску десанта они иногда теряли по несколько килограммов собственного веса. Не сомневаюсь, я видел экипажи при выброске десанта.

Команда «Приготовиться»: парашютисты встали (выброска в один заход), поправили ножные охваты, оружие, правую руку положили на вытяжное кольцо, левая придерживала запасный парашют. Кое-кто глазом косил на пристегнутый к тросу карабин камеры стабилизирующего парашюта. Рампа открывалась медленно. Если находиться возле нее, можно насладиться изумительным видом панорамы земли. Распахиваются двери, и поток возмущенного воздуха врывается в отсек самолета. Наступает высшая степень напряжения – команда «Пошел».

После приземления мы действуем в рамках задачи парами, тройками, в составе группы. С этого момента успех выполнения учебно-боевых вопросов зависит от личных качеств командира, индивидуальной подготовки каждого разведчика, а в целом – от боевой слаженности группы. Специальные мероприятия разведчиков в летний период выполняются с меньшими морально-психологическими сложностями. Несмотря на то, что среднесуточный переход в полосе разведки может составлять до 60 километров, теплое время года снимает многие проблемы жизнеобеспечения группы. Важнейшим условием подготовки разведчиков является тренировка на выживание в тяжелейших условиях при максимальных физических нагрузках. Снаряжение разведчика со штатным оружием при действиях в автономном режиме весит до 30 килограммов. А возьмем пулеметчика, гранатометчика с боекомплект? Конечно же, коллективное оружие, радиостанцию несут по очереди, но в реальных боевых условиях так не всегда получается. Один из принципов разведки звучит: «Все мое – со мной».

Очень важна маршевая втянутость разведчиков, которая воспитывает способность организма к преодолению тягот и лишений при выполнении задач в тылу противника. Поэтому одна из целей разведывательного выхода – тренировка выносливости у каждого разведчика в отдельности и группы – в целом. Скажу сразу, что это главный физический параметр, которым должен обладать разведчик – остальным премудростям разведки я научу с меньшими проблемами.

Отрабатываю с группой самый неблагоприятный вариант для разведчиков – засадные действия условного противника. Засада – это заранее подготовленные мероприятия с выбором места проведения и нанесением максимального урона живой силе, технике противника, захватом пленных и образцов вооружения. В этом случае за противником главная составляющая – внезапность и мы можем оказаться в самом невыгодном для себя положении. Конечно, свои жизни мы просто так не отдадим, в разведке это второстепенный фактор. Главное – задача, которую надо выполнить. Второстепенность жизни для разведчика при выполнении боевого задания, может, кто-то опротестует и, возможно, будет прав. Но, уходя на задание в тыл противника, мы оставляем на базе не только свои имена, документы, знаки различия, но и любую принадлежность к разведке – в тыл противника уходят тени. Других в разведке не надо, других и не берут: разведке нужны люди, готовые на самопожертвование во имя поставленной цели. В Афганистане, когда я работал с группой в тылу противника, рядом со мной всегда находился связист и санинструктор, которым я ставил задачу: в случае возникновения опасности моего попадания в плен – меня уничтожить. Два человека в группе официально отвечали за то, чтобы их командир живым врагу не дался. Разведчики должны драться до последней минуты жизни и не сдаваться. Почему? Ниже об этом будет много рассказано, столь много из того, что до сих пор преследует разведчиков бессонными ночами – воспоминаниями страшной яви, жуткими сновидениями, так похожими на явь, от которых просыпаются в холодном поту.

Важно понять, что противник на своей территории, знает местность, коварен, хорошо вооружен и жаждет уничтожить врага. Мы – разведка и нам не позволительно умирать даже

геройской смертью, для нас этого мало, потому что наш героизм как раз и заключается в том, чтобы выполнить задание командования и остаться в живых. Погибнуть в тылу противника несложно – один неверный шаг и «духи» порубят на куски, которые потом разбросают собакам. А вот вернуться на базу живым, решив вопросы задачи, это зачастую подвиг, поэтому своих парней наставлял:

– Запомните, разведчики, за живучесть группы боремся вместе и каждый в отдельности. Для нас главное – задание. Кто не согласен со мной, пишите рапорта в парашютно-десантные подразделения.

Один из главных принципов разведки при работе в тылу у врага – не встречаться с противником, если эта встреча не предусмотрена заданием. Наша цель – конкретная задача, она и только она должна выполняться точно и в срок. Если мы обнаружим себя, то даже захват «языка», документов, вскрытие объекта будет напрасной работой: противнику ясно, что мы располагаем информацией о нем, и он поменяет планы своих действий, перегруппирует силы, средства – раскроется интерес нашего командования к тому или иному объекту. Специалистам не составит труда проанализировать ситуацию, чтобы понять – а что же нас интересует? Цель наших действий не будет достигнута, задача не выполнена, планы командования, за которыми стоят сотни и тысячи солдат, офицеров, не реализуются, что приведет к невосполнимым потерям.

Тем не менее, действуя на территории, занятой врагом, мы всегда готовы к встрече с ним, каждый разведчик в группе знает свою роль, задачу, если непредвиденная встреча с противником всё же состоится. Буду тысячи раз ссылаться на Афганистан: тактику действий, наработанный опыт в лесах Беларуси мы перенесли туда, конечно же, с учетом специфики горной местности. Слава Богу, в Афганистане судьба предоставила нам, разведчикам, немного времени для жестких тренировок в горах, прежде чем ввязаться в серьезную драку, до которой оставалось всего-то полгода.

Отрабатываю места наиболее вероятной встречи с условным врагом, порядок действий, ухода на другое направление. Населенные пункты, места возможной встречи с местными жителями миновать стороной. В реальных боевых условиях случайная встреча с жителями недопустима, если такое случилось, от них избавляются разумно. Опять же, это ставит под срыв выполнение боевой задачи: жители могут хватиться, искать, и ситуация, казалось бы, из ничего особенного может развиваться до откровенно опасной. Действия разведчика – это творческая работа, требующая осмысленного подхода к любой мелочи, поэтому все должно быть максимально взвешено и продумано: думай, командир, думай.

Для офицеров-разведчиков существует важный параметр – живучесть разведывательной группы при выполнении специального задания в тылу противника. Десятки боевых разведывательных и других операций, проведенных мной в Афганистане в качестве командира разведывательной группы, разведывательной роты, позволил прийти к следующему выводу. Если деятельность командира при подготовке к боевой задаче, ее выполнение, возвращение на базу взять за условные сто процентов, то тридцать процентов усилий мной отводилось на подготовку и выполнение самого задания, а семьдесят – на то, чтобы вывести группу из-под удара и благополучно прибыть на базу. Предлагаю внимательно проанализировать заявленную пропорциональную зависимость, которую я вывел на практике и следовал ей в афганских горах и «зелёнке», четыре года командуя разведывательной группой, разведывательной ротой, парашютно-десантным батальоном, отдельным гарнизоном. Ниже я буду освещать и анализировать действия разведчиков в боевых операциях. В них со мной воевали реальные люди, которыми мне посчастливилось командовать на афганской войне. Прошло много лет с тех памятных пор, но я горжусь нашими боевыми делами! И всех своих разведчиков я сохранил!

А пока об учебной задаче, которая стояла перед нами в условном тылу противника. Она заключалась в следующем: разведывательной группе выдвинуться в район (указывались его

координаты) с целью обнаружения и вскрытия узла связи, в последующем провести диверсионные действия по его захвату и уничтожению. Объект занимал территорию, которая усиленно охранялась по всему периметру, в том числе внутри его самого. В составе узла связи имеется несколько десятков специальных машин для организации связи УКВ, КВ-диапазонов, радиорелейной, кабельной, тропосферной. Например, радиорелейная станция Р-404 имеет три тяжелогрузных машины: одна под аппаратную, другая под антенное устройство и третья под силовую установку автономного питания. В общей сложности таких станций может быть до 10 единиц и множество радиостанций меньшей мощности. Узел связи обеспечивает связью части и соединения условного противника, управление его войсками, тылом группировки. Для нас важно провести разведку с целью выявления охраны, обороны объекта, его элементов, состава, принадлежности, а также прикинуть возможные варианты захвата и уничтожения. Одной разведгруппой мы можем захватить один-два элемента узла связи, отдельные его фрагменты, но затем придется героически сложить головы. Если такое развитие событий устраивает командование, всё так и будет. Мне, командиру, останется только определить главный элемент узла связи, поставить задачу разведчикам и вперед – на подвиг, в бессмертие. Всё это будет: и враг, и война, и раненые, убитые... Сейчас в учебных целях не страшно проиграть бой, попасть в засаду и даже в плен, просто будет обидно, если это случится. Мы – разведчики и должны победить, применяя своё мастерство, закалку, выносливость, умение принимать решения и реализовывать их в сложнейших условиях.

Скрытно выдвигаемся в район размещения узла связи (по заданию это звучит так: узел связи предположительно находится там-то...). Командир группы обязан обладать аналитическим складом ума, чтобы по отдельным признакам прийти к заключению о положении его на местности. Множество сопутствующих факторов необходимо проанализировать, чтобы прийти к выводу о том, что данный объект находится в этом месте и координаты его такие-то...

Выдвигаясь к объекту внимания, нарабатываю вопросы внезапной встречи с противником, прикрытия группы, выноса условных раненых, убитых, ориентирование на местности. При выходе на объект тренирую разведчиков в комплексе мероприятий – «домашние заготовки» срабатывают, в целом, неплохо. Конечно, месяц занятий еще впереди, будем работать над ними, технику отшлифуем, но сейчас выбираю место на отдых. Сосновый бор – что может быть лучше, чтобы укрыться в яму под лапник и немного поспать? Вечер приносит прохладу. Скрыв следы своего присутствия, замаскировались под ветки деревьев – два человека дозорные... Их тоже не видно.

Мне нравятся лесные массивы, которым отдаю предпочтение при выходе к намеченной цели. Я сибиряк, лес знаю хорошо и ориентируюсь в нем. Лесной массив скрывает движение группы, дает возможность безопасного отдыха, а при необходимости – устройства тайника, в котором остаётся в случае надобности часть снаряжения. В лесу меньше опасности налететь на засаду – врагу труднее просчитать маршрут движения группы, а встреча с противником разведчикам, ох как нежелательна, даже если исход этой встречи и не будет иметь последствий. Обсудим ситуацию: мы вышли на противника, контролируем его действия, можем захватить, уничтожить. Как поступить? Что предпринять? Нельзя торопиться, поддаваться эмоциональному всплеску! Надо помнить: командир разведывательной группы не должен отвлекаться от главной задачи, которую поставило командование. Предположим, вражеский генерал купается в озере под охраной нескольких человек – на берегу портфель с документами. Захватить ценного «языка» «без шума и пыли» подмывает, аж зубы сводит: уберем ножами или расстреляем из ПБС охрану и в результате возьмем серьезного носителя информации. Схватить такого «языка» привлекательно? Конечно! Но не станет ли он помехой в дальнейшей работе по выполнению главной задания? Это творческий подход командира разведчиков в принятии решения, элемент, который может осложнить в последующем выполнение главной задачи. Значит, захват генерала с «мешком» документов – помеха в ее выполнении. Командиру группы необходимо

ориентироваться в общей обстановке, анализировать ситуацию в целом, взвесив все «за» и «против». Только потом принять, может быть, единственное правильное решение – оставить ко всем чертям генерала с документами и выполнять то, что поручено.

Преодолевая километры лесных угодий, болотистых мест, следовали утвержденным маршрутом. В очередной раз я провел оценку местности, путей подхода, впрочем, мы, похоже, у цели. Чтобы убедиться в этом, я разделил группу на три подгруппы, чтобы каждая из них провела доразведку. Характер обстановки, движение специальных машин, личного состава, наличие других признаков приводит к мысли о том, что объект перед нами. На предварительные действия уходит много времени, а задача выполняется в рамках жестких временных показателей. Опоздаем на 10 минут – наша информация для командования потеряет весь смысл и наши усилия, связанные с риском для жизни, будут напрасны.

Анализирую недостатки, вношу коррективы. Первый успех, конечно, радует: за плечами зимний опыт ведения разведывательных действий, но молодое пополнение только что втянулось в ритм боевой учебы. Для него летний выход – первый шаг к экзамену на зрелость разведчика. Пока – молодцы! Принимаю решение сменить дозорных. Другим разведчикам также необходимо поработать в этом качестве. Даю возможность Баравкову самостоятельно действовать старшим дозорным, хочу посмотреть его в деле: как чувствует маршрут, анализирует обстановку, принимает решение. Через 6–7 километров в лесной чаще, подальше от людских глаз, организую отдых. По июньской жаре пройдено около 45 километров, устали, перед работой ночью необходима разрядка.

Темное время суток для разведчика – благо: достигается большая скрытность выхода к цели, улучшается качество связи. Правда, сложнее ориентироваться на местности, но с опытом и это проходит. В подсознании включаются многие признаки, служащие ориентирами не хуже, чем днем: контуры ландшафта на фоне горизонта, лай собак, запах дыма, населенные пункты, звезды, свет фар, шум транспорта. Признаков опытному командиру группы, разведчикам вполне хватает, чтобы не потеряться в ночной прохладе. Приборы ночного видения также хорошие помощники в ночных операциях. В летний период ночью очень удобно выдвигаться в прохладе озер, поэтому я делал так: вечером устраивал привал, около полуночи подъем – и дальше вперед. До наступления жары хороший рывок, при этом нами преодолевалось значительное расстояние. Затем отдых. В ночь опять переход до очередного привала. Так, пробираясь лесами и болотами, мы шли к очередной цели своего задания.

На следующий день по плану разведывательного выхода разведчики приступили к практическим стрельбам из вооружения БМД-1, стрелкового оружия. Отработав днем, переходили к ночным тренировкам, что значительно сложнее. Танкодром был готов для вождения боевых машин, параллельно шли тренировки в выполнении нормативов по защите от оружия массового поражения, военной топографии, разведывательной подготовки. Плотный насыщенный график занятий дополнялся прыжками с парашютом – так незаметно проходил месяц активной учебы в реальных условиях. Последний марш-бросок из «Лосвидо» в «Зеленый годок», который принял нас радостным шелестом деревьев.

Начальник разведки Удалий с командиром роты Пащенко подвели итоги разведывательного выхода. Прошли общие, комсомольские собрания взводов, роты. Для себя я тоже подвел итоги: с листочком бумаги и карандашом в руке разбирал работу каждого разведчика. У меня их 13 человек – разных по призыву, характеру, индивидуальной подготовке, но все показали себя достойно. Были, конечно, недостатки в учебном процессе, но и они служат для шлифовки качества работы. Мысленно проиграв выход в леса Беларуси, практическую работу, я остался доволен: молодежь показала хорошую маршевую втянутость, грамотные действия, обошлись без травм. При отработке нормативной базы, упражнений по огневой подготовке, вождению боевых машин разведчики закрепили практические навыки. К предстоящим учениям, сдаче осенней проверки мы были готовы. Расчет времени показывал: после учений приведем тех-

нику, вооружение в порядок, поставим в режим хранения, затем приступим к сдаче итоговой проверки управлению командующего воздушно-десантными войсками. После чего солдаты, сержанты, призванные на действительную военную службу осенью 1977 года, уволятся в запас. Примем в роту призыв осени 1979 года, подготовим, испытаем его зимним разведывательным выходом, а там и весенняя проверка не за горами. Цикл подготовки разведчиков повторялся из периода в период одними и теми же базовыми задачами.

Подготовка к учениям проходила в активной фазе – без раскочки. Командование соединения отводило разведке дивизии особую роль. По замыслу учений первого этапа 80-й отдельной разведывательной роте предстояло десантироваться с высоты 400 метров на водную переправу через Неман и уничтожить ее с целью предотвращения подхода танковых резервов противника. В последующем разведке дивизии необходимо было провести диверсионные действия по нарушению управления войсками и дезорганизации работы тыла противника.

Готовились с учетом поставленных задач на воздушно-десантном комплексе: Иван Комар, командиры взводов обучали разведчиков совершению прыжков с парашютом с малой высоты. Новую управляемую парашютную систему Д-6 мы освоили, она получила высокую оценку личного состава. Провели занятия по швартовке оружия, снаряжения, тренировали разведчиков в ведении огня из автоматов по наземным целям при спуске на парашютах, элементы прыжка отрабатывали до автоматизма. В дальнейшем совершили прыжки из самолетов Ан-2, Ан-12, Ил-76М, которые показали, что разведывательная рота к этапу десантирования готова.

Параллельным методом готовили технику. Боевую группу, находившуюся на хранении, проверили на готовность к десантированию на реактивных системах ПРСМ-915. Учебно-боевая группа БМД должна была совершить марш с преодолением водной преграды. Большой объем работы в этом направлении проделал Петр Слободов, старший техник роты. С механиками-водителями он провел занятия, инструктажи, которые способствовали успешным действиям на учениях.

Много времени уделили разведывательной подготовке. Прошедший разведывательный выход был неоспоримым подспорьем в решении задач на предстоящих учениях. Активно проводилась партийно-политическая работа: выпускалась ротная газета, боевые листки. Политические занятия проводились Владимиром Николаевичем Гришиным, заместителем командира по политической части, он «закрутил» роту морально-психологической подготовкой, но разведчики не унывали – были бодры, веселы, энергичны и в своих возможностях не сомневались.

Как всегда, сигнал «Боевая готовность – повышенная» от оперативного дежурного штаба дивизии поступил неожиданно. Карусель учений закрутилась, но без суеты и нервозности – рота в установленном временном нормативе покинула военный городок. Офицеры отдела боевой подготовки штаба воздушно-десантных войск контролировали проводимые мероприятия в районах сосредоточения и ожидания. До нас довели, что учения «Неман-79» проводит лично Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. В районе ожидания мы привели в порядок оружие, снаряжение. Командный состав был готов получить учебно-боевые задачи.

По замыслу командования Белорусского военного округа 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия задействовалась в качестве условного противника для частей, соединений округа, принимавших участие в учениях. Командир дивизии, которому несколько дней назад было присвоено воинское звание генерал-майора, изложил общий замысел и задачу учений. 80-й отдельной разведывательной роте было приказано десантироваться парашютным способом в 30-ти километрах южнее Лиды с последующим захватом и уничтожением водной переправы через Неман. После чего в составе двух разведывательных групп под командованием гвардии лейтенантов Марченко и Ленцова обнаружить армейский узел связи и диверсионными действиями нарушить управление войсками условного противника. В последующем

нам ставилась задача разведки его танковых резервов, выдвигающихся навстречу нашим войскам, наступающим с фронта. Командование ВДВ заслушало командиров частей по вопросам уяснения боевой задачи, оценки обстановки, принятия решений. Командирам всех степеней ставилась оценка, делались выводы о дальнейшей службе.

В установленное время марш-броском в составе роты мы прибыли на аэродром взлета «Журжево» и готовились к десантированию. Полк Ил-76М военно-транспортной авиации, дислоцировавшийся в Кедайняе Литовской ССР, совершил посадку в «Журжево» и сразу же началась загрузка в самолеты боевой техники, проверка парашютистов на линиях контроля. Группы захвата – моя и Ленцова – летели в первом самолете. Мы с Александром в качестве выпускающих проверили парашюты разведчиков, швартовку оружия, снаряжения. После закрытия рампы инженер по десантному оборудованию проинструктировал нас по сигналам управления, с приветствием к десанту на борту выступил командир экипажа. Вскоре послышавшийся свист реактивных турбин возвестил о том, что тяжелый Ил порулил на взлетную полосу – линию старта. Упершись ногами в пол самолета, мы придерживали друг друга, чтобы не свалиться с дюралевых скамеек. Рывок! И самолет понесся по взлетной полосе, кидая парашютистов-разведчиков назад мощной силой инерции. Достигнув взлетной скорости, самолет, оторвавшись от «бетонки», выходил на высоту, откуда удивительной пейзажной картиной внизу поплыла земля с квадратиками полей и населенных пунктов. Свист турбин постепенно перешел в мерный гул идущего вверх корабля, занимающего в боевых порядках свой эшелон.

У самого «сосало» под ложечкой, холодком отдавало в груди. Вроде бы все отработано, но обеспокоенность имела место. Волнение? Конечно! Как десантируемся с малой высоты? Не упадем ли в прохладные воды Немана? Достигнем ли внезапности при захвате переправы? Успех зависел от быстрой и синхронной работы групп захвата. Но опять же, что за противник? Характер его действий? Насколько способен противостоять лихой атаке с небес? Много неизвестных! Разведка – это творчество и действовать приходилось в обстановке, выраженной фразой «ввяжемся в драку, а там разберемся».

Зажмурив на секунду глаза, я собрался, встал, улыбкой подбодрил разведчиков, показывая рукой, что надо поправить ножные охваты. Молодцы, так держать! Занял место выпускающего левого борта, проверил разделитель потока – инженер по десантному оборудованию зацепил карабин моего парашюта за удлинитель. Разведчики, пригнувшись, уперлись плечом и головой в парашют впереди стоящего десантника, изготовились к прыжку. Медленно открылась рампа – рвануло прохладой вперемежку с керосиновой гарью. Самолет выходил на скорость выброски десанта, его бросало в стороны с провалами в бездну. Открылись боковые двери – внизу в серой дымке плыла земля. Голубая лента Немана, извиваясь по равнине, пряталась в лесных массивах. Сирена! Зеленый разрешающий сигнал.

– Пошел!

Хлопнул по плечу Иванова – Борис тут же исчез за бортом самолета. За ним в серую бездну рванул поток парашютистов. Я следил за карабинами камер стабилизирующих парашютов – нет ли упавших разведчиков, был в готовности прекратить выброску десанта в случае нештатной ситуации. Все нормально, последний разведчик пошел, и я за ним ринулся в пучину воздушной стихии. Мощнейший удар воздушного потока понес к земле. Отсчитав привычные секунды падения, вырвал кольцо основного парашюта – провал, хлопок купола над головой, динамический удар и тишина. Огляделся – в порядке. Неман плыл под ногами, вот она цель – переправа. Взглядом схватил панораму земли и объект захвата. Первые разведчики, приземлившись рядом с ней, освобождались от подвесных систем. Те, кто еще был в воздухе, вели автоматный огонь по охране. Выбрав точку приземления (только бы не угодить в воду), приземляюсь на песчаном берегу. Секунды – и я у понтона, на котором сгрудились обалдевшие солдаты охраны. Пара очередей в их сторону холостыми патронами – главное – «зашкалить» ребят из пехоты, и я у группы минирования. «Шираз» – имитатор разрыва снаряда заложен,

горит фитилек огнепроводного шнура. Сигнал: «Уходим». Едва слетели с понтона – взрыв: переправы нет. Зафиксировал время: от начала выброски прошло не более семи минут – ближайшая задача выполнена, внезапность достигнута, по времени сработали быстро, травм нет. Посредник с белой повязкой на рукаве поднятой рукой подтверждает уничтожение объекта условного противника.

Но успех смаковать рано, надо оторваться от возможного преследования. Увожу группу в отрыв в западном направлении – условный противник придет в себя быстро, организует погоню. Для него потеря переправы через Неман – огромный минус, неуспех на серьезном этапе операции. Пятикилометровый бросок в лесной массив разгорячил – привал, перевели дыхание, оценил обстановку, наметил порядок дальнейших действий. Следующий объект – армейский узел связи. Изучив местность по карте (напоминаю: карта в разведке – исключение, берется только в учебных целях), определил точку своего стояния, проанализировал обстановку. До района следующей задачи около 15-ти километров, не сомневаюсь, противник, учитывая факт уничтожения переправы, понимает – она не единственный объект диверсионной группы. Ему не сложно просчитать, что очередным объектом атаки будет узел связи, и примет меры к противодействию. Действовать надо дерзко и стремительно. Но как сократить время выхода на следующий объект? Ответ напрашивался быстро – транспорт. Взгляд на карту – рядом населенный пункт, фермы, значит, есть трактора с тележками, что очень знакомо по-зимнему разведвыходу. Разведчикам Семенову и Сокурову поставил задачу: спортивные костюмы – деревня – трактор.

Через 20 минут раздался треск двигателя МТЗ из соседнего колхоза. Разведчики в секунды разместились в тележке, я сел с водителем – в тесноте, да не в обиде. Выехали на трассу, где я проверил напряженность шоссе по движению транспорта. Что за машины: гражданские, военные? Общее направление – к объекту разведки. Через некоторое время я отметил несколько специальных, радиальных машин, свернувших в направлении зоны внимания, ну, что ж, посмотрим – следуем за ними.

Появились первые антенные устройства – много, но почему-то не было шлагбаумов, патрулей, табличек с надписями: «Запретная зона». Объект реальный? Или ложный? Как-то все гладко получается: переправа и легкий выход на «нерв» армии... Появилось и другое сообщение – элементарная безалаберность самого «интеллигентного» рода войск. Ну, что ж, проверим! Дал сигнал на спешивание. Разведчиков расположил у дороги, а сам на тракторе поехал дальше – никто не остановил, не спросил пропуск. А в районе располагался узел связи – настоящий, действующий – уж больно много сосредоточено специальной техники с различными антенными устройствами. Это не могло быть имитацией объекта! Но необходимо уточнить, убедиться в правильности своих выводов. Я возвратился на тракторе к скрытой у дороги группе. Поблагодарив тракториста за помощь ВДВ, распрощался с ним крепким рукопожатием.

Время! К работе приступили двумя разведгруппами одновременно и постом радиоразведки Коробицына. Для начала замкнули накоротко проводные линии связи, проткнув обыкновенной иглой кабель П-274. Часть кабеля вырезали по длине, а концы разнесли в противоположные стороны и закинули на деревья. Пусть ищут. Одновременно подготовили десятка два взрывпакетов, пару «Ширазов», привязав к ним спички. Вышли к озеру, где сосредоточилось множество радиостанций, а «господа офицеры» войск связи в «купальных костюмах» загорали на берегу. По команде бросили взрывпакеты в скопление техники, радиостанций, личного состава – свыше десятка взрывов разорвали тишину. Затем длинными очередями из автоматов «обработали» узел связи, при этом каждый разведчик израсходовал по магазину холостых патронов. Взрывы пакетов, бешеная стрельба вызвали панику, крики, бестолковые команды офицеров «противника». Не говорю про мат-перемат – всего было достаточно. Но мы были уже в отрыве.

Сделав бросок в полтора-два километра, я объявил привал. Связался по радиостанции с Сергеем Коробицыным. Тот смеялся:

– Послушал бы эфир, Валера, там черт знает, что творится, «противник» дезорганизован, управление войсками утеряно, им поступила команда на поиск диверсантов, но кто их будет ловить, никто не знает.

– Понял. Пусть побегают, это им не киношка «Зона особого внимания».

Ночь прошла спокойно. «Наверное, никому не нужны диверсанты», – подумалось мне. Что ж, посмотрим. По радио пришла радиограмма, в которой уточнялась работа по третьему этапу учений: вскрыть возможный подход танковых резервов противника. «Привязав» карту к местности, я размышлял о том, как лучше действовать, где «противник» может скрыть свой танковый резерв. Получалось так: танки вышли на исходный рубеж для атаки. В решающий момент «противник» введет их неожиданно в бой, в чём и заключалась изюминка, против наших наступающих войск. Они решат исход победы. Но где они пойдут? «Вот в чем вопрос», – как сказал бы классик.

Вышли к дороге походной колонной, мы – «комендантская служба», регулируем график прохождения колонн военной техники. Движемся по обочине в сторону возможного нахождения скрытых танковых резервов. Заодно фиксируем номера военных машин, которые движутся в обоих направлениях. Подспудно инструктирую разведчиков о порядке захвата транспортного средства. Впереди показалась радиийная машина. Расчет произведен: группа захвата, прикрытия, обеспечения. Отработан резкий уход в лес, вплоть до ситуации, когда разведгруппа разделится на подгруппы, каждая из которых самостоятельно выполняет задачу до выхода в базовый район. Илья Семенов красным флажком сделал машине отмашку с требованием остановки у обочины дороги. Наши маскхалаты, конечно, необычная для других родов войск одежда, но расчет на внезапность, неожиданность. Пока водитель и старший машины соображают, они окажутся в наших руках. Так и получилось, правда, не совсем, как хотелось: машина действительно, притормозила, прижалась к краю дорожного покрытия. Я разглядел в кабине офицера, успел даже подумать, что «язык» приличный. Машина почти остановилась, но его лицо вдруг перекосилось, он закричал что-то водителю, толкнув его в бок рукой. Взревев двигателем, машина рванулась вперед, едва не сбив ефрейтора Болотова. Облом! Да еще какой!

Уточнил по карте предполагаемый район танковой колонны, он оказался в стороне от нашей ориентировки. По предварительной информации танковые резервы противника должны находиться в 10 километрах северо-западнее этого района. Ладно, на то мы и разведка, чтобы добывать максимально объективную информацию. Вышли на танки. Не ошиблись местные пацаны – наши. И какие! Т-80 – совершенно секретные машины! Стояли на лесной дороге в колонне – до батальона. Танковый резерв усилен минными разградителями с навесным оборудованием. Много другой инженерной техники, радиийных, специальных машин. Впечатляет!

– Что будем делать, гвардейцы? – спросил разведчиков.

Они поняли: командир принял решение на захват «языка», осталось выбрать поприличней источник информации. Офицеров не видно, честно говоря, брать офицера в плен на учениях как-то некорректно по отношению к нему – все же свой брат-офицер. А вот солдат-танкист в замасленной «мобуте», вылезший из танка, наверное, как раз то, что надо.

Трое разведчиков в спортивных костюмах, работая по легенде, подошли к танковой колонне (они «местные парни», уволились весной из армии). Артисты!

– Привет, земля! Когда на дембель? – вопрос, который вышибет слезу у любого старослужащего солдата.

– Осенью, – ответил танкист, изучающе глядя на парней с короткой стрижкой.

– Ну, вот и отметим, – продолжали мои «лицедеи».

Через пару минут аккуратно упакованного танкиста принесли ко мне. Тут же дал команду Сафарову и Баравкову брать следующего «языка». Допрос «пленного» солдата длился не более

пяти минут: тактико-технические данные новейшего танка зафиксированы в памяти. Принесли второго «пленного», которого первый захваченный танкист не видел. Допрос я провел независимо друг от друга: второй оказался сержантом, рассказал о составе танкового резерва противника, званиях, фамилиях, занимаемых должностях командиров, количестве техники.

Записав данные военных билетов захваченных в плен танкистов, я выдвинул основную группу за болото – в безопасное место. Осталось немного: грамотно оторваться от возможной погони. Связист закодировал радиogramму и отправил ее начальнику разведки дивизии. Отпустив захваченных в плен восояси, мы сделали лихой бросок через болотистое место. Преодолев топь, вышли к группе, которую возглавлял Сафаров. Теперь нас уже точно не взять – гоняться за нами «противнику» бессмысленно.

В базовый район мы прибыли, как и полагается разведке, тихо, незаметно. Я доложил командиру роты и начальнику разведки дивизии о выполнении задания, отметив, что морально-психологическое состояние личного состава высокое, мы готовы выполнить любой приказ Верховного главнокомандования и ВДВ. После чего я получил распоряжение на приведение себя в порядок, организацию отдыха и подошел к нашим офицерам, которые ждали меня, чтобы поделиться событиями последних дней.

Азартный Ленцов рассказывал о «дефилировании» в форме майора войск связи и поставке задач часовым «противника» – где и как охранять порученные им посты. Сергей Коробицын поделился тем безобразием, которое творилось в эфире после «уничтожения» нами узла связи. Поведал о том, как он со своими технарями «вскрывал» радиосети «противника», настраивая наши радиостанции на его частоты. О том, как от своего имени отдавал приказы по радиостанциям командирам различных степеней, задействованных на учениях, после которых еще больше нарушилось управление войсками. Мы смеялись, шутили – несколько анекдотов рассказал Сашка Чернега. До афганской войны оставалось 4 месяца...

Крупнейшие учения Белорусского военного округа «Неман-79» показали высокую готовность личного состава 80-й отдельной разведывательной роты дивизии. Дерзкие, решительные действия разведчиков в оперативном тылу условного противника парализовали связь, управление войсками. Задействованные «противником» силы и средства для обнаружения нас, разведчиков, в том числе авиация, не позволили обнаружить и уничтожить разведывательные группы Ленцова и мою. 80-я отдельная разведывательная рота, укомплектованная боевой техникой, вооружением, материальными запасами, средствами связи и десантирования, оказалась способной выполнить поставленные задачи в автономном режиме. Морально-психологическое состояние личного состава было высоким! Такую оценку на подведении итогов учений «Неман-79» дал разведчикам командир 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Рябченко.

13 ноября 1979 года состоялось отчетно-выборное собрание партийной организации разведчиков дивизии. Именно в этот период нам, дивизионным разведчикам, представили нового начальника разведки дивизии – гвардии майора Скрынникова Михаила Фёдоровича. Он пришел из 105-й Ферганской гвардейской воздушно-десантной дивизии, которую решением Генерального штаба Вооруженных сил СССР расформировали. Майор Удалий убыл в Рязанское высшее воздушно-десантное училище на преподавательскую должность. Новым начальником штаба 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии был назначен гвардии полковник Петряков, сменивший на этом посту полковника Чернова, ушедшего старшим преподавателем в академию им. М. В. Фрунзе.

С этих событий градус атмосферы боевой и политической подготовки 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии начал подниматься. Речь не шла об увеличении количества занятий по предметам обучения, интенсивности и качества их проведения – в воздухе витала напряженная обстановка, которую мы, офицеры, ощущали в повседневной деятельности. Новый начальник разведки дивизии майор Скрынников постоянно находился с нами,

офицерами, проводил занятия, беседовал, направлял наши действия в нужное русло. В дивизию прибыл начальник разведки Воздушно-десантных войск полковник Кукушкин – ветеран Великой Отечественной войны, который призвал нас, разведчиков, к необходимости собраться и быть готовыми к выполнению очень важных и неотложных задач. Тем не менее, его слова имели туманный смысл. Вроде бы он и хотел сказать нам что-то большее, конкретное, но далее общих фраз и положений дело не шло. Более того, полковник Кукушкин заявил нам о том, что на базе нашей 80-й отдельной разведывательной роты дивизии будет сформирован разведывательный батальон ВДВ в качестве экспериментального подразделения войск. Мы достойно показали себя на прошедших в сентябре учениях и у командования ВДВ были такие намерения.

Неуловимая атмосфера неопределенности создавала нервозность в офицерском коллективе. Напряженные взгляды командира, замполита говорили о том, что они знают что-то больше, но не могут сказать остальным офицерам. И вообще, накануне командир роты, командиры частей соединения ездили в секретную командировку. Куда? Зачем? Никто ничего не говорил, на лицах старшего офицерского состава была сосредоточенность, собранность, это чувствовалось во всем.

Вскоре поступила команда: офицерскому составу, прапорщикам сфотографироваться. Мы дружно сделали фотографии и сдали их в штаб дивизии, после чего пошли смутные, если так можно выразиться, разговоры о каких-то особых учениях. В начале декабря 1979 года стало известно, что в дивизию прибывает командующий ВДВ генерал армии Сухоруков. К приезду готовились в обычном для такого случая режиме. С офицерским составом подразделения начальник разведки дивизии Скрынников проводил беседы, совещания, на которых делал акцент на занятия. 10 декабря 1979 года с офицерами разведывательной роты продолжались мероприятия по изучению организации иностранных армий, разведывательной подготовке – материал давался под запись в секретные тетради. На следующий день по этим темам должны были состояться контрольные зачеты с участием начальника разведки ВДВ гвардии полковника Кукушкина. К концу рабочего дня начальник разведки дивизии довел план занятий на следующий день: 11-го декабря 1979 года. Вот он:

1–2 час. Тактическая подготовка, тема: «Общевойсковой бой»;

3–4 час. Разведывательная подготовка, тема: «Разведывательные признаки средств ракетно-ядерного нападения противника»; «Действия разведчиков при захвате и уничтожении объекта»;

5–6 час. ОМП, тема: «Уяснение задачи командиром подразделения при применении противником оружия массового поражения»;

Но плану занятий, намеченному на 11 декабря 1979 года, не суждено было сбыться – не получилось. Через несколько часов в него ворвалась афганская война, отложившая его выполнение на 9 лет 1 месяц и 19 дней...

Глава 3

...Легкий морозец сковал землю и мелкий снежок, накрывший ее, хрустел под ногами. Закончился очередной напряженный день учебных занятий. После 19-ти часов мы с Сашкой Чернегой возвращались со службы домой из «Зеленого городка». Завтра 11 декабря 1979 года, начальник разведки ВДВ полковник Кукушкин проводит контрольные зачеты по организации иностранных армий. Пиво пить не будем – надо собраться с мыслями. Автобус 15-го маршрута подъехал к площади Победы, мы вышли на остановке у Московского проспекта. Чернега, вспомнив очередной анекдот, посмеивался.

Офицеры дивизионной разведки выделялись среди остальных офицеров соединения особой формой одежды – зимними курточками стального цвета без погон. Нас можно было принять за егерей лесной охраны, железнодорожников, прокуроров – всех тех, кто носил форменную одежду. Но, видимо, не знал этого подгулявший крепышок на углу проспектов Черняховского и Московского – хотел затеять драку. Аккуратно уронили в сугроб перебравшего парня и пошли дальше.

Падавший снег веселил, молодость, задор, кураж расслабляли от служебного дня. У «Комсомольского» магазина мы с Сашкой расстались и пошли по домам. Через три минуты ходьбы – квартира, где я снимал комнату с семьей. С супругой поужинали, глянул новостную программу по телевизору. Начавшийся было фильм «Трактористы» усыпил, но звонок в дверь я услышал сразу. Привычно вскочив, открыл дверь: Борис Иванов – посыльный:

– Товарищ гвардии лейтенант, в роте «БОЕВАЯ ТРЕВОГА!»

– Ты что, обалдел? – удивленно смотрю на солдата.

– Никак, нет, товарищ лейтенант – боевая тревога, – растерянно ответил ефрейтор.

– Ладно, лети в роту, я за тобой.

За пару минут оделся, схватил чемоданчик, положенный нам по тревоге.

– Когда вернешься? – спросила жена.

– К утру буду, – ответил я, подбегая к двери. (Почти не соврал, вернулся действительно утром... но через полгода)...

Время около полуночи, транспорт уже не ходил, но огонек свободного такси блеснул на площадке перед «Комсомольским» магазином.

– В «Зеленый городок», – бросил таксисту.

Машина лихо рванулась по Московскому, затем налево на проспект Черняховского в сторону Лучёсы и минут через пятнадцать я был у КПП военного городка, бурлящего ульем разбуженных пчел. Зрелище впечатлило: по тревоге в полном составе были подняты специальные части дивизии. Построения, команды, зачитывались списки личного состава, у казарм стояли под загрузкой машины. Разведчики под руководством старшины роты Николая Андрейчука привычно работали по плану боевой готовности.

В расположении роты я доложил о прибытии Гришину, исполняющему обязанности командира роты (Пашенко находился в отпуске, а Иван Комар работал с молодым пополнением в учебном центре). Владимир Николаевич мне приказал:

– Срочно в парк боевой техники, загружай боеприпасы в учебно-боевую группу.

Я обратил внимание на табло дневального по роте, которое высвечивало сигнал оповещения «БОЕВАЯ ТРЕВОГА».

– Володя, ты хоть что-нибудь объясни, – Гришин замахал руками:

– Валера, все потом, сейчас в парк и загружай боеприпасы! В 8.00 готовность к маршу.

– Куда?

– Орша, аэродром взлета – Болбасово.

– Понял, Владимир Николаевич, бегу.

К 7.00 11 декабря 1979 года 80-я отдельная разведывательная рота дивизии со всеми материальными запасами была готова к совершению марша на аэродром взлета Болбасово. Ровно в 8.00 колонна боевой техники, преодолев исходный рубеж, двинулась по указанному маршруту...

...Ровно гудели турбины огромного Ила, занявшего коридор эшелонем в 7200 метров. Самолет шел плавно, ему ничто не мешало в огромной армаде бортов следовать курсом на юг. Так, по крайней мере, думалось мне и моим разведчикам, перед которыми стояла задача захвата аэродрома Баграм с целью обеспечения посадки передового отряда в составе усиленного парашютно-десантного батальона под командованием гвардии капитана Вадима Войцеховского. Ряд бортов из-за непогоды в Кабуле вернулись на аэродромы «подскока», задействованные десантом в боевой операции, но Баграм посадку давал. Моей разведывательной группе предстояло действовать на авиабазе Баграм без учета нахождения там каких-либо подразделений советских войск, о них мне при постановке боевой задачи не доводилось. Именно в этом контексте мне ставилась задача командиром соединения генерал-майором Рябченко в присутствии начальника штаба дивизии полковника Петрякова и уточнялась начальником разведки дивизии майором Скрынниковым перед посадкой группы в самолет.

В иллюминаторе темнело, внизу виднелись огни населенных пунктов.

– Джамбул, – произнес штурман, не отвлекаясь от множества приборов в полутемной кабине огромного лайнера.

Я, молча, любовался заревом большого города, оно угадывалось издали, проплывая справа по борту. В кабине штурмана хороший обзор и наблюдать за уходом ясного дня с большой высоты одно удовольствие. Прошло около часа полета, впереди надвигалось зарево очередного города.

– Чимкент.

За бортом стемнело. Огни селений, малых и больших городов создавали неповторимую картину южной ночи. Яркий свет луны отражался в озерах и общий рисунок звездного неба, скопление огней до горизонта создавали неотразимую паутину гирлянд. Завораживало взгляд: самолет плыл под мерный рокот турбин. Заканчивался второй час полета.

– Но что это? – недоуменно вопрошаю у штурмана.

Ничего не пойму: внизу, где заливались электрическим светом города, а реки отражали звездное небо с луной, стало вдруг непроглядно темно. Словно неведомый кто-то прочертил РЕЧКОЙ, блеснувшей внизу, линию водораздела, между жизнью и смертью.

– Амударья – граница Союза Советских Социалистических Республик, – оповестил по громкой связи командир экипажа.

Нечто черное наплывало навстречу: окутывало, захватывало, поглощало темнотой и дрожью. Внизу ни огонька – непроглядная тьма. Луна в последний раз сверкнула в водах РЕЧКИ и пропала, словно утонула в ней. Знакомый холодок коснулся спины.

– Афганистан!..

Мощная армада самолетов военно-транспортной авиации с десантом на борту вошла в воздушное пространство страны, первой признавшей молодое советское государство. 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия в составе первого эшелона сил вторжения приступила к выполнению боевой задачи...

...Я расположился в кабине штурмана, наблюдая виртуозную работу специалиста высокого класса. Удивительно, штурман успевал одновременно делать множество операций: смотреть в локатор, сверять полетные карты, щелкать кнопками пультов управления, навигации, переговариваться с командиром экипажа. Делал он это все без суеты и лишних движений. В плавных движениях специалиста имела место профессиональное изящество. Я с восхищением любовался уверенной работой парня в летной куртке с меховым воротником.

По курсу полета была сплошная темнота, не видно привычных огней на земле – такое впечатление, как будто зависли в пространстве ночи. «Ночной полет», да и только», – подумалось мне, но о Сент-Экзюпери я больше не вспоминал, возможно, настроения наши не совпали с гармонией межзвездной романтики.

Я вышел в салон к разведчикам, спящим на тентах машин – пора поднимать.

– Сафаров, подъем, – толкнул в плечо заместителя.

Сергей проснулся, быстро вскочил:

Сосредоточенные лица парней не могли обмануть – летим в неизвестность, вызывающую трепет каждой клеточки тела, но все были собраны, как на многих учениях, которые вместе прошли в лесах Беларуси, и беспокойство, которое я видел в глазах разведчиков, было совершенно понятно.

Несколько часов назад мы, командиры разведывательных групп 80-й отдельной разведывательной роты, были вызваны к командиру дивизии генерал-майору Рябченко, от которого получили БОЕВОЙ ПРИКАЗ. Для меня боевой приказ комдива звучал следующим образом:

– Гвардии лейтенант Марченко.

– Я.

– Приказываю десантироваться в составе разведывательной группы на аэродром Баграм с целью захвата посадочной полосы и обеспечения посадки передового отряда в составе усиленного батальона 350-го парашютно-десантного полка под командованием гвардии капитана Войцеховского. В последующем вести разведку в интересах передового отряда.

– Есть, товарищ генерал.

Все встало на свои места: схема элементов аэродрома, которую мне в Балхаше вручил начальник разведки дивизии, и есть тот самый Баграм, до которого осталось менее часа полета.

Устроившись по борту самолета, сверху машины, разведчики смотрели мне прямо в глаза.

– Внимание всем, до посадки 40 минут. Еще разок пройдем по задаче, не торопясь, мысленно проиграем свои действия, чтобы на земле не возникло проблем. Все понятно?

– Так точно, товарищ лейтенант.

– Тогда давай, Сергей: твои действия после открытия ramпы.

– С Баравковым, Сокуровым, Ивановым занимаем позицию со стороны помещения охраны аэродрома, тем самым обеспечиваем выгрузку техники из самолета.

– Так. Сорбосы открыли огонь.

Сержант не смутился:

– Связываю охрану огнем, Болотов на БМД прикроет из ПКТ и орудия.

– Хорошо, Сергей, не забудь важный момент: двигатели самолета будут работать, не попадите под раздачу потока. Недавний случай, надеюсь, помните.

– Понял, товарищ лейтенант, – Сафаров слегка улыбнулся.

Ну, как же, господ офицеров сдуло реактивной струей при движении по аэродрому. Разве забудешь такое?

– Болотов, действия твоего экипажа? – вопрос командиру второго отделения.

– Выгружаемся, занимаем позицию в 30 метрах от самолета. Прикрываю группу Сафарова со стороны контрольно-диспетчерского пункта, – доложил сержант.

– Так, ясно. Не спускай глаз с зенитной батареи и держи ее, Болотов, под контролем.

– Понял, товарищ лейтенант.

– Как механики работают? – обратился я к старшему технику роты.

– Расшвартовываем технику, Валерий Григорьевич, машины выкатываем на бетонку, запускаем двигатели и занимаем позиции согласно расчету, – уверенно выдал Петро.

– Да, если какая-нибудь «коробочка» не запустится сходу, катите дальше от самолета.

– Понятно, Валерий Григорьевич.

– Хорошо. Проверить оружие, снаряжение, гранаты не трогать, запалы не вставлять, – дал последние указания перед посадкой в Баграме.

Двое «прикомандированных» к моей группе товарищей в солдатских курточках общались, наклоняясь к уху друг друга – вижу, довольны детальным уточнением задачи. Они – старшие офицеры военной разведки ГРУ Генштаба, находятся со мной по распоряжению высшего начальства, о чём меня информировал полковник Петряков в следующей форме:

– Марченко, с тобой будут два офицера разведки, тебе о них знать ничего не надо, но если возникнут вопросы по обстановке в районе десантирования, обращай к ним...

– Понял, товарищ полковник, – ответил я бодро начальнику штаба. Только о возможных проблемах и вопросах, которые могут возникнуть, Петряков ничего не сказал.

Три боевые машины десанта были пришвартованы цепями к полу самолета. Расстояние между их корпусами и скамейкой, на которой расположились разведчики, небольшое, много не походишь, не разомнешься – машины занимали все свободное место. Проверил крепление цепей – скоро посадка, проверка будет не лишней...

В сумраке мерцающих приборов штурман склонился над картами, только капельки пота на лбу выдавали собранность напряженной работы человека, ведущего корабль по сложнейшему маршруту. Светлеющие облака небосвода обозначили приближение огромного города, зарево которого постепенно надвигалось на нас.

– Кабул, – произнес штурман и потом уточнил, – ближе Баграм.

Я взглядом впился в огни городка, ставшего известным позднее на весь Советский Союз: Баграм.

Самолет, вздрогнув, вдруг стал проваливаться вниз. Потеря высоты была настолько мощной, энергичной – заложило уши, засвербело в носу. Последовавший следом крен с еще большей потерей высоты вызвал откровенно неприятные ощущения. Взгляд на штурмана – спокоен, как будто бы ничего не случилось. Значит, так надо! А самолет все падал и падал, кажется, целую вечность. Очередной разворот с бесконечным падением вниз перехватил дыхание, на лбу образовалась испарина пота. Когда же этому конец? Огни Кабула и Баграма плыли по кругу, но в плоскости горизонта находились уже несколько ниже. Следующий крен самолета в пространстве и мы вышли на полосу, она была перед нами в огнях навигации. Ух, вот это скольжение!

– Давай, командир, двигатели останавливать не будем, – крикнул штурман, на секунду повергнувшись ко мне.

Хлопнув его по плечу, я побежал к разведчикам – смотрят шальными глазами, пытаюсь понять, что же происходит? Махом прервал все вопросы:

– Через минуту посадка. Действуем по плану, уточнения по ходу задачи. Всем приготовиться!

Самолет коснулся бетонки – взревели реверсы заднего хода, гася скорость пробега. Инерция закончилась, поворот на рулежку, затем другой и самолет остановился у края бордюра. Рампа открылась, все разведчики знали свое место и действовали по отработанной схеме: установили накаты для техники, которую уже подготовили к выгрузке. Выскочив на бетонку, я огляделся, чтобы оценить обстановку. Темнота не смутила, главное я увидел: взлетная полоса была освещена и со стороны КДП много огней, в свете которых были видны всего пять-шесть человек, закутанных в одеяла. Они шли вдоль ограждения аэродрома без всякого любопытства к совершившему посадку самолету.

Группа Сафарова залегла на позиции и контролировала обстановку у командного пункта. Болотов со своим экипажем вытолкнул на бетонку БМД под номером 188. Машина по инерции откатилась от накатов, запустился двигатель, и она рванула прикрыть отделение Сафарова от КДП и казармы охраны аэродрома. Отделение Нищенко успешно выкатило боевую машину под номером 189. Запустив двигатель, она встала на рубеж прикрытия самолета со стороны зенит-

ной батареи. Моя командирская с номером 187 выкатилась следом, Слободов запустил двигатель, и машина усилила позиции прикрытия самолета. Четверо разведчиков помогли инженеру по десантному оборудованию убрать накаты, и самолет сразу же порулил на взлетную полосу. Я взглянул на часы – с момента посадки прошло 15 минут, а Ил уже мчался на взлет. Оторвавшись от полосы, лайнер исчез во мгле темного неба.

В наступившей тишине я оценил позицию группы, проверил связь и на командирской машине поехал в начало взлетной полосы, освещенной навигацией. Вылетев на «взлетку», по осевой линии рванул по ней на большой скорости, наблюдая ее состояние. Понятно, если наш Ил приземлился и нормально взлетел, то полоса свободна, но меня беспокоил другой момент. Посадку и взлет самолета слышали и видели афганцы-зенитчики, охрана аэродрома, поэтому я допускал такую возможность, что полосу могут заблокировать техникой или взорвать, что не позволит совершить посадку передовых сил десанта и поставит выполнение задачи под срыв.

До приземления батальона капитана Войцеховского оставалось минут пять. На боевой машине я пролетел до конца полосы – нормально. Занял позицию в центре боевого порядка группы, чтобы контролировать ее фланги. Практически сразу послышался гул самолетов: передовой отряд заходил на посадку. Первый борт, включив прожектора, коснулся полосы, следом второй, третий, порулили к месту разгрузки. Связавшись по радиостанции с Войцеховским, я ему доложил, что КДП и охрана под контролем, веду наблюдение и указал координаты позиции группы. Комбат уточнил мне задачу: об изменении обстановки докладывать немедленно.

Борта, выгрузив технику и личный состав, один за другим уходили на взлет. Передовой отряд 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии взял авиабазу Баграм под контроль без единого выстрела и был готов принять основные силы десанта.

Рассветное утро в Баграме поразило грандиозностью горного массива – вершины, покрытые шапками вечных снегов, взметнулись в лазоревое небо. Необыкновенная панорама природы восхитила взор, поразила воображение. Ее величие и красота отразились в памяти на многие годы вперед. Баграм! Сколько с ним мыслей живет до сих пор! Разве думалось в те минуты о том, сколько же крови наших парней прольется в этих горах и ущельях? Восхищение красотой заснеженных гор было настолько сильным и поглощающим, что я не сразу обратил внимание на позицию зенитной батареи афганцев. По брустверу ходил часовой, закутанный в одеяло, не обращая внимания на нашу боевую технику, стволы которой смотрели в сторону их зенитных орудий.

Войцеховский вызвал меня по радиостанции в штаб передового отряда, где передал приказ командира дивизии: в 12.00 совершат посадку три АН-12, в которые мне следует загрузить свою технику, личный состав и совершить перелет в Кабул. Борта прилетели вовремя, и мы приступили к загрузке боевых машин в самолеты. Через Войцеховского я доложил командиру дивизии о готовности к вылету, получив добро, попрощался с комбатом и через пятнадцать минут полета мы приземлились в Кабуле.

Совершив посадку в столичном аэропорту, я доложил командиру роты о прибытии своего взвода, разгрузили технику, пообедали и находились в режиме ожидания команды. Какой? Мы еще не знали, даже не представляли, что разворачиваются события мирового масштаба, в которых мы принимаем самое непосредственное участие. С офицерами роты обменялись впечатлениями, прогнозировали дальнейший ход развития ситуации, наше участие в ней. Затем последовала команда начальника разведки дивизии майора Скрынникова: командирам разведывательных взводов прибыть в штаб соединения, где командир дивизии генерал-майор Рябченко поставит нам боевые задачи.

Каждому командиру группы задача ставилась отдельно. Моей разведывательной группе было приказано: в составе трех боевых машин выдвинуться четыре километра севернее Кабула на рубеж отдельной цепочки холмов и занять позицию вдоль дороги, ведущей в столицу Афганистана. В дальнейшем имеющимися средствами предотвратить вход в Кабул мятежной танко-

вой бригады регулярной армии Афганистана, а также вести наблюдение за частями афганской армии, которые предпримут какие-либо действия, и воспрепятствовать их движению в город огнем штатного оружия. Поразили слова комдива: «Гвардии лейтенант Марченко, совершить марш по маршруту... занять рубеж... и стоять насмерть!».

За светлое время на трех боевых машинах я вышел на указанный рубеж, занял оборону, подготовил основные и запасные позиции для БМД. Время позволило обложить машины камнями, обустроить ячейки ведения огня из стрелкового оружия и гранатометов. Даже успел прикинуть пути отхода на случай, если судьба позволит совершить нам маневр. Я прекрасно понимал, что такое танковая бригада – пусть даже афганской армии. Сопоставимость сил и средств была резко отрицательной не в нашу пользу, но в ушах стояли слова командира дивизии: «Стоять насмерть». Это, поверьте, не забывается. В 19.30 местного времени моя разведывательная группа была готова принять бой на указанном мне рубеже.

Боевой расчет выстроил следующим образом: в башнях боевых машин находились наводчики-операторы, рядом в оборудованных камнями ячейках расположил командиров отделений, которые также уверенно стреляли из вооружения БМД-1. Остальных разведчиков разместил с учетом круговой обороны на сокращенных расстояниях друг от друга. Понимая, что в случае огневого столкновения нам не устоять против танковых орудий. Для каждой боевой машины определил несколько запасных позиций, чтобы после двух-трех выстрелов менять ее положение на местности. Прикинул на карте несколько маршрутов отхода.

Грандиозная панорама огромного города, раскиданного в огромной долине, впечатлила разнообразием красок. Наступившая без привычных для нас сумерек ночь быстро поглотила столицу Афганистана. В прицеле боевой машины в ночном режиме хорошо просматривались улицы, районы восточного мегаполиса. Волнение было большим не только у нас, чувствовалось это и по радиообмену: в эфир часто выходил начальник разведки майор Скрынников, запрашивал у меня обстановку. Я докладывал, что все нормально, движение противника не отмечается. Ощущение волнения, нервозности достигло предела, когда наводчик-оператор Мандрыко доложил:

– Товарищ лейтенант, наблюдаю движение колонн на окраине города.

Прильнув к прицелу, я увидел движение боевой техники с включенными фарами от аэродрома, где расположились части дивизии после приземления, в сторону города. Недоумение было полным: не зная общей задачи соединения, я не мог предположить, что в Кабул на боевой технике входит 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия.

– Товарищ лейтенант, смотрите – стреляют. Действительно, над городскими кварталами, куда втягивались колонны боевых машин, полетели трассера. Вначале это были отдельные очереди из пулеметов, потом их интенсивность возросла. Минут через десять ухнули первые выстрелы орудий, которые вскоре превратились в артиллерийскую канонаду. Над Кабулом замерцал огневой шквал трассирующих очередей пулеметов, гул орудий. Картина привела в ступор личный состав моего взвода, наступило откровенное недоумение от видимой нами картины событий.

Такой ход событий вряд ли кто мог предположить: над Кабулом огненный шквал. В прицел я изучил местность – пока в порядке, тишина. Выскочив из БМД, обошел разведчиков, уточнил задачи, пробежался глазами по горизонту – ничего. Оставалось наблюдать фейерверк над Кабулом. Панорама поражала строчками очередей и выстрелов орудий. Что там происходило – трудно представить, но море трассирующих пуль, летящих в разные стороны, создавали картину тяжелого боя. В какой-то момент я увидел, что в одном из районов города строчки трассеров пошли навстречу друг другу. Вначале не понял развития ситуации, потом осенило: идет взаимная перестрелка, причем очень сильная. С одной и другой стороны навстречу друг другу исходила стрельба, которая минут через двадцать уменьшилась и вскоре затихла. Позднее стало известно: в огневое столкновение вступили два наших парашютно-десантных полка,

которые, не разобравшись в городской обстановке, вступили друг с другом в огневой контакт. К счастью, обошлось без жертв.

До полуночи шла сильная перестрелка, которая то уменьшалась, то набирала обороты. Затем общая ситуация огневого воздействия пошла на убыль, гул орудий вообще прекратился. Над Кабулом летали отдельные очереди трассирующих пуль, вскоре и они исчезли в наступившей тишине. У нас на позиции было еще тише – обстановка без изменений. Я дал команду разведчикам перекусить сухим пайком.

– Товарищ лейтенант, давайте с нами, – позвал, подошедший Сафаров.

– Добро, Сергей, иду, перехватить надо, кто его знает, что будет дальше.

Покушали быстро. Вскоре стало светать. Внимательно изучив местность вокруг позиции взвода, я мысленно проиграл ситуацию: а что, если бы танки пошли на Кабул, и пришлось бы вступить с ними в бой? От наших позиций до дороги метров 350, каждая из БМД безнаказанно сделала бы по танкам 5–6 выстрелов – 15–18 в общей сложности. Результат поражения с такого расстояния большой, но, не переоценивая степени нашей подготовки, допустил, что потери противника могли составить до 60 процентов. Значит, 8–10 танков, то есть до танковой роты мы могли бы уничтожить за счет внезапной атаки. Но если бы танковый батальон афганской армии действительно попытался войти в Кабул с нашего направления, то реакцию двух других танковых рот батальона легко представить: развернулись бы в боевую линию и несколькими выстрелами с нами покончили.

Для нас эта ночь закончилась благополучно. Командование дивизии предполагало, что активные мероприятия по захвату ключевых объектов в Кабуле нашими частями и подразделениями могли спровоцировать отдельные танковые части афганской армии на оказание сопротивления. В частности, моей разведывательной группе и была поставлена задача с учетом этого фактора: дать информацию штабу дивизии, если с моего направления такая попытка появится.

Доложив начальнику разведки о том, что движение на дороге не отмечается, я получил приказ на возвращение в район аэродрома. Без всяких проблем совершив марш по Кабулу, мы вернулись в расположение роты по маршруту.

Глава 4

Для разведчиков 80-й отдельной разведывательной роты дивизии перевал Паймунар, вершина горного хребта Ходжа-Раваш стали не только полигоном, но и родным домом. Ежедневные занятия с разведчиками я проводил с максимальной отдачей сил, энергии, с ужасом отмечая, что наша профессиональная подготовка для действий в горах может служить не более чем базовой, которую необходимо восполнять ежедневными упорными тренировками. На первом этапе занятий я ставил задачи разведывательной группе, которые состояли только в том, чтобы просто подняться на вершину горы со штатным вооружением, снаряжением без отработки тактических и огневых задач. Например, выдвинуться по маршруту: базовый район – вершина горы Ходжа-Раваш с целью ведения разведки, обнаружения противника, определения координат для корректировки огня артиллерии и авиации в зоне ответственности дивизии.

Первые тренировочные подъемы на вершину горы продолжались около двух часов. Штатное оружие, боеприпасы, сухой паек, вода, снаряжение весили до 30 килограммов, каждый подъем на горный хребет был тяжелейшим испытанием на физическую прочность и выносливость. А каково было пулеметчикам и гранатометчикам со штатным оружием! Несколько восхождений на вершину дали четкое понимание – тренировки должны продолжаться по нарастающей динамике. Неимоверная усталость и тяжесть наваливались на тело после каждого подъема на гору, судороги схватывали икры ног и не отпускали по несколько часов. Массаж мышц приводил в относительную готовность к дальнейшим занятиям, которые с каждым разом я усложнял с переходом на ночь. С карандашом в руке частенько сидел и чертил схемы вариантов выдвижения группы в тыл противника, порядок действий, наращивал обстановку вариантами встречи с душманами, обеспечения прикрытия, страховки, ухода на другой маршрут, выноса условных раненых, убитых.

Тренировки в горах продолжались неделями – днем и ночью: интенсивные, тяжелые. От неимоверной нагрузки разведчиков тошнило, пот выедал глаза солевыми потоками, я и сам валился с ног от усталости и напряжения. На вершине горы, захлебываясь потом, мы падали в изнеможении, занимали оборону, наблюдали за местностью, лежали, выравнивая дыхание, а сердца рвались из груди. После продолжительных покорений вершины и штурма горной гряды к нам приходила постепенная уверенность в силах. Теперь уже каждый разведчик совершенно точно знал: при действиях в горах нам необходима величайшая выносливость. Выносливость и еще раз – выносливость! Эту физическую возможность человека и сейчас ставлю на первый план.

Тем не менее, с каждой последующей тренировкой я шел на усложнение задачи: придумывал мишени, которые выставлял до вершины горы по ярусам – они обозначали противника. Действия разведывательной группы выстраивал в режиме реального времени, по установленному мною маршруту я направлял головной разведывательный дозор, который вел наблюдение за местностью, обнаруживал противника (мишени), подавал нужные сигналы. Разведгруппа занимала одно из боевых положений, отработанных на тренировках («домашние заготовки»), которые я предлагал во множестве вариантов, каждый раз усложняя на практике. Разведдозор, прикрывая основной состав разведчиков, открывал огонь по мишеням, тем самым обеспечивая выход группы из боя с уходом на другой маршрут. Обнаруживал нового противника – ярусом выше (ниже), стремящегося перехватить группу при совершении маневра. Постоянно находясь в движении (противника надо окружить, сбить с толку), он принимал удобное положение для ведения боя, открывал огонь на поражение. В работу включалась группа прикрытия тыла – вместе с головным дозором она автоматным огнем уничтожала противника. После чего следовал сигнал – «путь свободен».

Основная группа выходила на запасной маршрут, продолжая движение к объекту задачи. Группа прикрытия переносила огонь на следующего противника, обеспечивая отрыв основной группы от места боестолкновения, и следовала за ней. Далее еще находились мишени: справа, слева, с обеих сторон, обозначавшие внезапное нападение из засады. Опять работали по ним, маневрировали, уходили, прикрывая друг друга до самой вершины. Наконец, линия водораздела. Обессиленные мы валились на камни, в голове стучали молоточки – только бы не потерять сознание. Коротенький отдых, наблюдение за кишляком (реальным) и опять бесконечные тренировки. Мы нарабатывал тактику действий группы во множестве вариантов, которые могли бы иметь место при выполнении задач поиска, засадных действий, наблюдения за противником.

Далее я опять усложнял задачу появлением условных раненых, убитых, которым разведчики оказывали первую медицинскую помощь, эвакуировали в безопасное место. Затем следовал отдых в замаскированном месте с принятием мер предосторожности, после чего я применял третью степень сложности боевого применения группы – подъем в гору с выполнением тактических, специальных и огневых задач, с эвакуацией условных раненых и убитых. Такие тренировки продолжались днем и ночью с параллельным выполнением реальных боевых задач.

По такой вот методике до конца марта 1980 года дивизионная разведка готовилась к ведению боевых операций. Мне много раз приходилось говорить на разные аудитории: «Слава богу, что у нас выдалось время на подготовку к боевым действиям». Война отвела нам время для того, чтобы мы психологически и профессионально вросли в обстановку. Подчеркну, мы – разведка ВДВ, и в Союзе нам равных не было! У нас, в отличие от подразделений других родов войск, была сильнейшая подготовка. Проведены учения, разведвыходы, стрельбы, вождение боевых машин, но в Афганистане подготовка к боевым действиям начиналась с нуля. Нам многое еще предстояло узнать и постичь, чтобы быть успешными в настоящей войне.

Заканчивался февраль 1980 года. Полным ходом шла разработка первой Кунарской операции. Личный состав, выделенный в отдельную группировку, приступил к занятиям в горных условиях по тактической и огневой подготовке. Заканчивался сезон дождей с непролазной грязью, рваными клочьями облаков и бесконечным холодным дождем над палаточным городком. Именно такая картина оставила в памяти след прохладного неба войны.

Напряжение в воинских коллективах росло: как мы готовы к войне? Насколько способны сражаться в настоящем бою, чтобы выжить и победить? С позиции наших дней многое видится по-другому, но тогда многие вопросы возникали из жизни, реальных условий. Сейчас мне важно понять самому, почему в Советской армии случилась подмена понятий: боевой подготовки и «показухи», парково-хозяйственных дней и хозяйственных работ, действий, максимально приближенных к боевым условиям, и системы упрощенного проведения занятий? С каким багажом практических навыков вступали в бой на афганской земле солдаты и офицеры ограниченного контингента? В конце концов, насколько же был грозен советский солдат для нашего противника, с которым мы вступали в бой во имя революционных преобразований афганского народа?

Оценка готовности ограниченного контингента советских войск к боевым действиям в Афганистане – важный элемент военной составляющей, обойти который нельзя. Насколько морально-психологический уровень личного состава способствовал выполнению поставленных задач? Как мы воспринимали личное участие в боевом столкновении с противником, ведущим огонь на поражение? Война – другое измерение понятий в сознании любого человека. Морально-психологическое состояние частей и подразделений являются главными факторами готовности солдата, офицера к участию в бою. Необходима перестройка сознания в иную плоскость восприятия мира, способность думать так, как необходимо думать на войне. Никакие превентивные занятия, учения не дадут понимания военной действительности, кроме личного участия в боевых действиях. Много лет подряд я благодарю судьбу за то, что нам, разведчикам,

она дала возможность подготовиться к боевым действиям в Афганистане. Но – уже в самом Афганистане.

Настройка сознания, включение в боевую деятельность позволяет судить о том, насколько личный состав готов действовать в условиях жестокого боя. Да, убивать! Быть готовым погибнуть! Но реальная опасность погибнуть не должна парализовать сознание и разум. Внутри нашего мозга важно активировать клеточки, отвечающие за самообладание, спокойствие и оптимизм. Они включаются в работу, дают новую методику мышления, оценку действительности в боевых условиях. Общее состояние опасности, окружающей нас, передается каждой клеточке тела – организм адаптируется к режиму этой самой опасности. Подчеркиваю, не привыкает – адаптируется, то есть вырабатывает совокупность защитных реакций, обеспечивающих приспособление организма к изменению окружающих условий. Сложнейшие процессы проходят в центральной нервной системе военнослужащих, переступивших допустимый порог опасности для жизни. Мозг в боевых условиях работает быстро: за доли секунды считает варианты решений, дает команды, отменяет, заставляет думать, действовать. Не случайно в минуты опасности у человека перед глазами пролетает целая жизнь – фигуральное выражение, но активность мозга в моменты жизненных рисков чрезвычайно высокая. На собственном примере расскажу о многих эпизодах боевых действий, когда мой мозг, независимо от воли и сознания, принимал решения, спасал жизнь, давая единственно правильные команды на те или иные действия.

Разведывательная группа, которой я командовал уже более года, вела разведку местности в зоне ответственности дивизии с начала января наступившего 1980 года. Район кишлаков Тарахейль, Дехыйхья, Паймунар вызывал беспокойство у командования 40-й армии. О противнике мы знали немного, любая информация о его действиях послужила бы хорошим подспорьем в принятии решения на боевые действия. Противника вроде бы и не было, но он везде проявлял себя нападениями из засад. Невозможно было планировать боевую операцию, не имея представления о вражеском подполье в кишлачной зоне, о душманских отрядах, характере их действий. Разведка дивизии работала активно: в горах вела наблюдение за местностью, кишлаками, собирала информацию о передвижении связных между горными массивами и кишлаками. В разных направлениях мы фиксировали обмен световыми сигналами, отмечали другие косвенные факты деятельности вражеского сопротивления. Создавалось впечатление, что мы и противник присматривались друг к другу, изучали, чтобы где-то нанести внезапный удар.

Подготовка к боевым операциям отдельных группировок советских войск не являлась для «духов» секретом: работа с техникой, вооружением, перемещение гусеничных, колесных машин красноречиво обо всем говорило. Границы базового городка нашей дивизии постоянно окружали толпы афганцев, наблюдавших, как веселые «шурави» обустроивали лагерь. Шустрые «бачата» предлагали сигареты, насвай, жвачку – постоянно что-то меняли, наши тайком несли на обмен сухие пайки, обмундирование, обувь. В базарных рядах наши военнослужащие буквально хватали косметику, платки, бижутерию, батники, джинсы – выбор был настолько разнообразный, глаза разбегались. Натуральный обмен товарами жестко преследовался особым отделом дивизии, партполитаппаратом соединения. Тревожное затишье, невладение обстановкой раздражало войска, но нам, разведчикам, скучать не приходилось: ночная разведка, дневные занятия оставляли немного времени на отдых.

А в Кабуле стояла настоящая зима – с морозом, снегом и очень холодными ночами. Получение белых маскхалатов и лыж для выдвижения в район поиска и ведения разведывательных действий мы расценили как подарок. Стало гораздо удобнее передвигаться по каменистой местности с высоким снежным покровом. Маскировка обеспечивала скрытое выдвижение в районы нашего внимания. Начальник разведки дивизии майор Скрынников Михаил Федорович, а по-нашему – дядя Миша, требовал от нас, командиров разведгрупп, данные о против-

нике за хребтом Паймунар, а также о состоянии обстановки в полосе восточней аэродрома Кабул 8–10 километров, где вдоль горной гряды Хингиль раскинулась широченная кишлачная зона. Мы работали над задачей из ночи – в ночь, трудились, но ничего существенного не было, зацепиться за «духов» никак не могли.

По периметру базового лагеря нашей дивизии и с элементами Кабульского аэропорта было выставлено боевое охранение, прикрывавшее нас от душманских атак, нападений. Прикрытие аэродрома с восточного направления обеспечивало боевое охранение в составе парашютно-десантного взвода под командованием старшего лейтенанта по имени Александр. Каждый раз, следуя через его охранение в душманское логово, я выводил группу в черно-белую мглу: белый снег, черные горы. Рядом с охранением находилось кладбище и мраморный карьер, из которого личный состав базового лагеря забирал каменную крошку для оборудования подъездных путей. Недавно в карьере случилась трагедия, унесшая жизни целого отделения солдат, прибывших без оружия за щебенкой и крошкой. «Духи» всех уничтожили, надругавшись над телами убитых бойцов. После этого случая я дал себе слово быть адекватным к врагу и держал его в течение четырех лет выполнения воинского долга. И меня не мучают ночные кошмары от уничтоженных мною нелюдей в человеческом обличье.

К боевому охранению я выводил группу скрытно, но так, чтобы в нужное время оказаться в поле зрения его наблюдателей. Могло всякое быть, к примеру, наблюдатель Мажмунов, может вначале полоснуть из пулемета, а после этого запросить пароль. Такое бывало не раз. Мажмунов – таджик по национальности, хороший, в общем-то, парень, но за неряшливый вид командир частенько «пристегивал» его к пулемету для наблюдения в тыл. По линии боевого охранения постоянно сновали местные жители, «бачата», в надежде на взаимный с нами обмен, они частенько собирались кучками смотреть на «шурави». Через Мажмунова можно было пообщаться с ними, напомнить им, что нельзя пересекать запретную зону, где несут службу русские солдаты.

Наш таджик был исполнительным солдатом, но, призванный из высокогорного аула Таджикской ССР, он иногда путал не только команды, но и действия. Однажды к нему «под раздачу» попали и мы. Я, как всегда, вывел группу к боевому охранению, чтобы с его командиром уточнить взаимодействие по ночной работе. Вдруг слышу лязг затвора и дикий окрик:

– Дриц! (Стой)

Упали на снег – не дышим. Вступаю в разговор, пытаюсь ему объяснить солдату:

– Мы разведчики, нужно поговорить с командиром.

Ни в какую – хоть убей.

– Командир отдыхает, будить не велел.

– Ладно, – говорю отличнику Советской армии, – мы встаем и уходим.

Думаю, уйдем с линии огня, а там разберемся. Только попытался встать – длинная, во всю мою жизнь, очередь из пулемета прижала к земле. На выстрелы прибежал Александр, командир охранения, пинком откинув бойца от пулемета.

– Живые? Никого не задело?

– Да, живые, но резкость потренировали, черт бы его взял, сорбоса.

Опорный пункт охранения, прикрывший аэропорт со стороны горного массива с восточной стороны, представлял систему траншей, ходов сообщения, перекрытых щелей, НП командира, окопов для стрельбы из стрелкового оружия, аппарелей трех БМД – основных и запасных. Система огня опорного пункта взвода была выстроена таким образом, что обеспечивала круговую оборону подразделения в случае нападения на него противника. Такую скромную тактическую единицу, как парашютно-десантный взвод, можно было назвать заставой, боевым охранением, но в любом случае оно находилось на передовом рубеже выполнения боевой задачи. Дальше был только противник – жестокий, коварный, и десантники чувствовали его незримое присутствие неуловимой атмосферой опасности.

Один из наблюдателей, расположившись на башне боевой машины, изучал местность, фиксируя обстановку по времени, данные заносил в специальный журнал. Другой наблюдатель, с ручным пулеметом, контролировал тыл опорного пункта и подходы к нему от находившегося рядом кладбища. Перед фронтом опорного пункта раскинулась долина, которую с обеих сторон, словно клешнями, охватывали два довольно высоких хребта, встречавшихся километрах в четырех далее охранения, образуя узкий проход – дефиле. Правая гряда отличалась черной громадной вершиной, которая своим основанием словно бы села на хребет, господствуя при этом над всей заснеженной местностью.

Темный цвет горушки притягивал взгляд. Она не нравилась мне, раздражала и командира поста – Александр говорил мне не раз, что с ее вершины ведут наблюдение «духи». Беспокойство взводного можно понять: застава как на ладони, а четыре километра до горной гряды с отдельной вершиной – хорошее расстояние, чтобы не попасть под обстрел, но быть под наблюдением «духов». Темную вершину я отнес к ориентиру, присвоив ей мрачное имя – Черная гора. Надо сказать, что оно прилепилось к ней на все время пребывания советских войск в Афганистане.

Обменявшись паролем, мы зашли в расположение зарывшегося в землю и камни парашютно-десантного взвода. Ребята устроились крепко: тепло и уютно от пылающей жаром печи, они еще спали перед выходом на ночь, но скоро подъем. Десантники заступят на боевое дежурство и будут до утра всматриваться в темную холодную ночь, ловить звуки, свет фонарей, костров, возможно, дыханье крадущихся «духов».

Запах керосина, тепло от печки расслабили разведчиков. Вытянув ноги вперед, они присели у стенки чуть отдохнуть. Скоро их склонит ко сну, а мы с командиром охранения порешаем ряд взаимных вопросов.

– Привет, Саш, – жму руку старшему лейтенанту, вышедшему встретить разведку.

– Привет, Валерик. Что нового на большой земле?

– Все забытое старое, – в тон отвечаю ему. – Сам-то как?

– Нормально, курим потихоньку. Что-то долго не был у нас.

– А... ходил за Паймунар.

– И что? Там спокойней?

– Безопасней, Саша. Как твои-то «духи»? И моя «черная леди»?

– «Душки-то» шевелятся, огоньками обмениваются, – вздохнул Александр, – в горах у них кое-что наблюдается, а вот кишлаки скрывает твоя несравненная леди – Черная гора. Раздражает она меня, Валер.

– Иду вот к ней на свидание – примет, не примет – не знаю, а твое неудовольствие передам обязательно. Пока снежок с ветерком, морозец – махну через долину, а утречком вернусь. Не возражаешь?

– Да ради Аллаха.

Черная гора – отличное место для наблюдения, я вполне допускаю, что «духи» оборудовали на ней наблюдательный пост, может, посты. С ее вершины в бинокль виден весь аэродром, северная и восточная часть военного городка и все подходы к кишлачной зоне Дехсабзи-Хаз, раскинувшейся на многие километры. По траншее вышли к командному пункту, где с командиром боевого охранения обсудим кое-какие вопросы взаимодействия, обмена информацией.

– Осторожней – ступеньки, – Александр откинул полог промерзшей палатки.

– У тебя еще до Черной горы голову сломишь.

– Нормально, привыкнешь. Проходи, – хмыкнул хозяин.

Взглядом скользнул по обжитому блиндажу, обложенному вокруг камнями. Легкий шум керосиновой «капельницы» создавал уют, тепло и покой, запитанная от аккумулятора лампочка освещала рабочее место командира и висевшую на стенке карту с нанесенной на ней обстановкой в зоне ответственности дивизии. У стены стояла аккуратно заправленная одеялом

кровать, над ней – автомат с примкнутым магазином. Вполне прилично, подумалось мне. Мы же, разведчики, жили в палатках с «Паларисом», дающим черную копоть и постоянную опасность возгорания. Здесь же чувствовалась основательность Александра не только как командира, но и хозяина, который занимается бытом подразделения, благоустройством армейского порядка.

– Противника-то у тебя маловато, Сань, а дивизии нужны результаты, – кивнул я на карту, присаживаясь к печке.

– Что видим – фиксируем, а других источников нет.

– Маловато, Сань, маловато, думай о добывании информации не только наблюдением, но и другими способами.

– Задействуем приборы ночного видения, фиксируем движение транспорта, людей, выючных животных...

– Это все так, Сань, но «духи», мне думается, проявят себя только тогда, когда найдут слабое звено в твоей обороне, и удар нанесут там, где, по их мнению, будет успех. Вот и получается, что ты для них – самый удобный успех. Извини за каламбур, но ударить по тебе и уйти безнаказанно весьма привлекательно, – хлопнул я по плечу Александра.

– Да, понятно, Валера. Я в отрыве от главных сил, оказать мне быструю помощь в случае нападения вряд ли возможно. Даже если «броня» стоит в лагере в готовности № 1, подход ее возможен минут через 40, не менее.

– ...а пока ты разберешься с обстановкой, доложишь в дивизию, пока там поймут, что ты от них хочешь, пока поставят задачу на оказание помощи, пока эта помощь подоспеет и разберется на месте... по тебе и твоему взводу будут играть фанфары, но, заметь, не победные марши, – подхватываю мысль командира десантников.

– Похоже, что так, – задумался Александр.

– Покажи свои «огоньки», время их появления, характер сигналов. Какие у тебя соображения? – устраиваюсь за столом командира.

– Черт их поймет, Валер, стройной системы нет ни по времени, ни по характеру. В горах фиксирую отблески света, прямого огня не видно, он скрыт рельефом. Ночью в прицел хорошо наблюдается зарево открытого пламени: колеблется. Через 10–15 минут исчезает. За ночь зажигают два-три раза. Кому они предназначены? Черт его знает!

– Постой, – вскочил я, – а может в звездную ночь преобразователь прицела дает фон, похожий на источник огня?

– Да нет. В ясную ночь видно невооруженным взглядом, – отмахнулся Александр, но обзор кишлачной зоны ограничен Черной горой. Что там, не знаю, но сигналы, похоже, адресуются в то направление.

– Черная гора, «черная леди»... Что же делать с тобой? – в голове появились кое-какие мыслишки, которые формировались в решение, но тревожно на душе, беспокойно. Подошел к карте и молча смотрел на подходы к горе.

– Чой ми хури? – вернул на землю Александр. (Чай пить будешь?)

– Хуб, – я посмотрел на часы. (Хорошо).

– Мажмунов, – крикнул хозяин за полог палатки. Топот кирзовых сапог и влетел измазанный сажей Момоджон. – Передай повару, пусть принесет что-нибудь покушать и чай с сахаром.

– Понял я вас, товарищ старший лейтенант.

– Не «понял я вас», а «есть, товарищ старший лейтенант», – гаркнул взводный.

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – вытаращив черные глаза, бухнул Мажмунов.

– Уйди от меня, ради Аллаха, – безнадежно отмахнулся Александр.

– Пей чай, Валер, пойду своих подниму – пора к ночи готовиться.

– Хорошо, я погреюсь немного.

Тепло печки разлилось по телу вместе с настоящим чаем, крепким, ароматным. «У «духов» берет, не иначе», – подумалось мне.

В тылу противника разведчик должен думать только о том, как лучше выполнить приказ командира группы, чтобы сработать на успех операции. Все действия разведчиков подчинены грамотным, хладнокровным и взвешенным решениям. Никакие другие мысли не должны отвлекать их от боевой задачи, эмоции, лирика души приведут к провалу группы. Психику молодого человека легко разбалансирует письмо из дома, от девушки, неважное настроение, самочувствие. В эти минуты важно поддержать человека душевным участием, вниманием, глядишь, и проходит хандра: улыбается – цели, задачи командира достигнуты.

На последнем рубеже боевого охранения, отделявшем нас от противника, в сознание каждого разведчика я вбиваю мысль – здесь мы переходим черту, за которой только озверевший и жестокий враг. Требую до предела собрать волю, разум, сознание, забыть обо всем, что мешает задаче – на кону наши жизни, ребята. Уточняю действия дозорных при встрече с противником, последние наставления группе захвата, прикрытия тыла в обеспечении выхода из боя. Довожу порядок отрыва и ухода на базу в случае огневого контакта с противником. Проверяю связь и с внутренним пожеланием всем нам: «С богом!» – даю команду на выдвижение. Как-то само собой сложился своеобразный ритуал выхода в тыл противника – важный элемент психологической подготовки.

– Перекусил?

– Что, Саш?

– Перекусил, спрашиваю?

– В порядке, спасибо.

– Мои минут через пятнадцать будут на постах. Местных в округе не видно, похоже, спрятались от стужи. Мороз, Валера, усиливается и ветер тоже – тебе на руку, спокойненько перемахнешь долину. Увидишь овраг – иди по нему, хотя, черт его знает, могут мины поставить. В случае чего, человек пять на лыжах у меня будут в готовности встретить тебя. Кажется, все. Ну, ни пуха, – хлопнул меня Александр.

– К черту, Сань, пока.

Разведчики разобрали лыжи, смонтировали крепления к своим «кирзачам».

– Так, попрыгали. Не гремит? Сафаров, проверь.

Заместитель прошелся вдоль группы, кому-то ткнул в бочину, поправил:

– В порядке, товарищ лейтенант.

– Ну что ж, с богом – вперед!

Мухаметзянов – старший дозора, с Ксендиковым первыми двинулись за боевое охранение – они уже в боевой задаче.

– Прокопенко, не теряй дозор, сигналы. Понял?

– Так точно, товарищ лейтенант.

Скрытое выдвижение к Черной горе, если честно, захватывает дух – там еще не ступала нога советского солдата. Волнение большое, никуда не денешься, иногда, кажется – сердце переворачивается. Чем дальше втягиваемся в «духовские» места, тем сильнее переживаю за живучесть группы. Взгляд по сторонам, пытаюсь оценить расстояние возможного обнаружения группы. Головной дозор почти не виден – нормально, разведчики Игоря Нищенко, прикрывшие тыл, – неясные тени, скрытые мглой и легким снежком. Полученные накануне маскхалаты словно размыли группу на белом фоне покрова – тоже сойдет. По компасу сверил направление – в порядке, все глубже и глубже втягиваемся в душманское логово.

За Черной горой, прилепившись к горному хребту, рассыпалась кишлачная зона. С линии боевого охранения я много раз изучал долину в хорошую погоду – довольно открытая местность, просматривается до самых хребтов, образующих узкий проход. Но что за горой – можно только догадываться. Прислушался к себе, стараясь понять, готов ли я сунуться туда,

где противник везде, а группе никто не способен помочь. Острые вопросы возникали и раньше, даже вчера, когда готовился в поиск к Черной горе. Вроде и ответы были – справимся, надо идти, но сейчас, признаться, уверенности меньше. Что-то где-то играет, причем ощутимо. «Ладно, не дергайся», – приказываю себе, хоть и мосты не сжигали, теперь только вперед.

Погода меняется часто – снег прекратился, минут через десять, вероятно, начнется опять, возможна оттепель, к утру – мороз. Снежные заряды, идущие плотной стеной, намели сугробы, которые можно преодолеть только на лыжах. Как прогнозировать афганскую погоду? – понять невозможно, но сегодня погода наша. Вот бы перемахнуть через долину и скрыться среди скал и камней, но внезапная встреча с противником возможна всегда. Усталость, обыденность, похожие действия притупляют бдительность, а выход в тыл противнику – важный момент. В народе не зря говорят – беда приходит неожиданно, бородатые парни появляются быстро, наносят удар и уходят. Подразделения наших войск несут потери, потому что не учитывают фактор внезапной атаки врага – смерть в горах поджидает всех, кто хоть на секунду теряет контроль над обстановкой.

Маршрут я выбрал по склону оврага – в таком положении наши головы выше общего плато долины и мы незаметней на открытой площадке, можем следить за противником на дальних подступах к группе. Если внезапная встреча все же с ним состоится, овражек послужит укрытием. В разведке мы не допускаем встречи с врагом, если она не запланирована заданием. Но сейчас нам нужен связник – «язык», который бы дал информацию о характере действий противника в зоне ответственности соединения. Цель операции совершенна конкретна: командованию дивизии требуются данные обстановки в 10 километрах северо-восточней Кабула. Населенный пункт Тарахейль на важном направлении, горы соединяют его с кишлачной зоной Дехсабзи-Хаз. В районе столицы много наших и правительственных войск, но кишлак Тарахейль настолько «духовский», что терять внимание – смерти подобно.

Движение на лыжах согрело, скользим на хорошей скорости. Вместе с тем приходит уверенность – группа незаметна с левой стороны долины и больше половины расстояния до Черной горы уже позади. Оглядываюсь кругом, назад – дозорных впереди не вижу.

- Прокопенко, дозор?
- Идут. Снег скрывает.
- Так, понял. Держи дозор на зрительной связи.
- Я вижу его, товарищ лейтенант.
- Хорошо, не отставай.

Вскоре действительно замаячила гряда темной громадой массива, только овражек вывел правее намеченной точки подъема. Повернули к основанию хребта, прошли вдоль подошвы скальной основы, нашли расщелину, в которой оставили лыжи, ненужное в горах снаряжение, схрон замаскировали снегом. Я засек ориентир тайника, чтобы на обратном пути не проскочить мимо. Ну, вот и все, теперь – к точке восхождения на гору. Поглядев в сторону боевого охранения, от которого мы отмахали километра четыре, я прикинул, как лучше нам уходить, если встреча с противником нас не минет. По компасу сверил направление маршрута, выходит, лучшее место отхода – наш незаметный овражек. Придется повторяться, ладно, разберемся.

Принятие важного решения – все равно, что садомазохизм – постоянное терзание мыслей и личное убожество перед смертельной опасностью. На чем сосредоточить усилия? Выбор небольшой – Черная гора либо кишлачная зона за ней. И то, и другое – важные звенья задачи, которые надо решать. За «черной леди» кишлак Тарахейль, за ним – горный Хингиль с душманскими базами, с которых «духи» наносят удары по центральным провинциям страны. Вероятно, Черная гора – первичное звено передачи информации «духовским» отрядам через цепочку кишлаков и горных хребтов. Примерно так «вытанцовывалась» ситуация с обменом информацией световыми сигналами. Связники также несут информацию, но другого плана или других объемов, они перемещаются пешим порядком по нехоженным тропам. В данный

момент у меня два варианта: первый – провести разведку Черной горы, значит, прямо сейчас начать восхождение на горный хребет. Второй – сунуться на обратную сторону горы, обойдя ее с левой стороны, где раскинулась кишлачная зона Тарахейль, чтобы взглянуть хоть глазком, что же там? Останется время, поднимемся в горы, чтобы сверху оценить кишлак по структуре, впрочем, если удачно отработаем в самом кишлаке и ускользнем от душманской разведки.

Решение приходило не сразу, одно дело размышлять над задачей, сидя у печки в палатке, и совсем другое – находиться в реальной ситуации: вот тебе гора, «духи» – хочешь песню пой, а хочешь спать ложись. Ощущение обстановки сейчас и ранее принятое решение – разные вещи. Прислушиваюсь к интуиции, чувствую, что надо реагировать быстрее, время – драгоценный дар. Подмывало, конечно, подойти к кишлаку, маскируясь хребтом с Черной горой, но внутренний голос говорил другое – надо работать иначе. Но опять же, чертовски удобный представился случай – непогода располагала к глубинной разведке, а завтра – кто его знает?

Замешательство, как в той поговорке: и хочется, и колется... Сколько бы ни шел соревновательный процесс мыслей – не знаю, но благоразумие побеждает эмоции, которые плескались в адреналине, и дало установку не лезь в кишлаки – рано. Разброд и шатания в голове, наконец-то, приобретает нужные формы, вырабатывает четкое решение: разведка горного хребта с Черной горой. Досадную, конечно, на себя: слабо в кишлачок-то? Но подлая мыслишка, лаская, успокаивала – с вершины горы кишлачная зона, как на ладони, а на ней реальная возможность расположения пункта наблюдения «духов». Прикинул вариант, если «духи» выставили наблюдательный пост на горе, то наблюдателям не позавидуешь: очень холодно на жестком ветру. Снег, минус 20 нам, конечно, на руку. «Духи» замерзли, малоподвижны, их легче взять, уничтожить и уйти без помех.

Глава 5

Решение было принято. Я дал сигнал на выдвижение группы, минут через двадцать вышли на рубеж восхождения. Прикрывшись от ветра каменным козырьком, всмотрелся вверх, прикидывая примерный маршрут подъема. Взвесив направление ветра, положение боевого охранения, крутизну ската, после некоторых колебаний выбрал северный склон. Скальные глыбы горной породы, снежные заносы расщелин не вызывали восторга – предстояло тяжелое восхождение. Видимость в 20–30 метров закрывалась зарядами снега, порывы жесткого ветра вышибали слезы из глаз, отчего, замерзая, слипались ресницы.

Дозор, скользя по камням, пошел по склону маршрута. Я проверил ракеты в «разгрузке» – на месте, в случае боя обозначу положение группы, охранение увидит.

– Нищенко? С Ивоным и Сокуровым держите тыл, если дозор нарвется на «духов», прикроете его и вместе отходите к боевому охранению. Понятно?

– Так точно.

– Цель обозначу трассерами – сразу работаете всеми стволами. Вопросы?

– Никак нет.

Пошли на подъем: Мухаметзянов с Ксендиковым, сливаясь с камнями, шли впереди. От дозора не отрывался Прокопенко, следуя на расстоянии зрительной связи, он фиксировал сигналы старшего дозорного. Следом шел связист с радиостанцией – его задача особая: связь с базой и неотрывно следовать за мной, исключая любую возможность попадания в плен командира группы, то есть при угрозе моего попадания к «духам» он должен был меня расстрелять.

Подъем становился круче, очень трудно было идти, вести наблюдение – ветер швырял в лицо комья колючего снега. Черные глыбы камней на белом снегу создавали неприятные ассоциации, дозор падал, изучал подозрительные места, всматриваясь во мглу, пробирался вперед к исчезнувшей во мраке вершине. Около часа мы шли меж скальной породы, выбирая наиболее легкий маршрут. Я думал о возможной засаде, которую может устроить противник, но раньше мы здесь не «светились» и выбор разведки Черной горы выпал спонтанно, в последний момент – командира дивизии данный район стал интересовать со вчерашнего дня. Встреча с душманами может быть только случайной, но кто его знает, господин великий случай может подбросить сюрприз.

Пот заливал глаза, застывая на ресницах холодными льдинками, щеки пылали от резкого ветра – пора сделать привал, отдохнуть. Просигналил «Опасность» – разведчики упали за камни, чтобы взорваться огнем. Молодцы. Тренировка на резкость – лучшее средство не скинуть, а вот отдохнуть не мешало. Волнение улеглось, мне кажется, что оно осталось у подножия хребта. Наступившее спокойствие пришло, благодаря сильнейшей физической нагрузке, я это по себе чувствовал. Видимость увеличилась, но вокруг снег, мгла, контуры скального грунта. Ветер немного поутих, но крепчал мороз, становилось прохладней. Прикинул, треть хребта одолели, часа через два площадка – плато перед стенкой на Черную гору. Несколько дней назад я вел наблюдение за хребтом с линии боевого охранения и понимал, что все трудности еще впереди, Черная гора была где-то там вверху. Без тренировки на Ходжа-Раваше сюда невозможно соваться – высота 2100 метров, снег, мороз, пурга, а если засада, бой? Ладно, все понятно: сигнал «Вперед».

Я вел группу чуть ниже линии водораздела, контролируя обратный скат, за ним скрывалась опасность внезапного появления «духов» – много парней погибло, не контролируя обратные склоны хребтов... Подъем становился круче, ноги вязли в снегу, а где его не было, скользили «кирзачами», расшибая коленки о камни. Ноги дрожали от напряжения, тяжесть снаряжения кидала на снег – тогда передвигались на четвереньках. Секундная передышка – лицо в сугроб, чтобы остудить пылающие щеки, схватить губами снег – и снова вперед. В сапо-

гах сбивались портянки, натирая ступни натруженных ног, но медленно и верно мы подбирались к плато перед Черной горой. Однако самый трудный участок маршрута был еще впереди – стенка на гору, преодолеть который было непросто.

Сигналю – отдых. Жесткое дыхание сушило горло, вызывая разрывающий легкие кашель. Лежа на снегу за камнями, постепенно выравнивали дыхание, но расслабляться нельзя, трудно будет вставать, запускать организм на новый рывок. Кажется, теряю бдительность, сознание «танцевало» на мысли, как бы дойти до вершины, а противник, опасность уходила на второй и третий план. Мобилизую волю, собираюсь каждой клеточкой тела.

Оглядевшись, пополз на четвереньках к скальной глыбе, где лежали дозорные, от нее лучше был виден путь на вершину. Пока ничто не говорило о присутствии «духов».

– Мухаметзянов, какие соображения?

Старший дозора, прищутив глаза, смотрел туда, где, по его мнению, должна находиться вершина:

– Здесь круче подъем, товарищ лейтенант, застрянем в камнях.

– Ну, и?..

– Может, с обратной стороны?

– С обратной?

Карабаться вверх действительно легче по стенке хребта, обращенной к кишлачному массиву – менее крутой подъем, но если внезапный бой, база не услышит группу по связи, охранение не увидит красной ракеты опасности. Гора служит своеобразным экраном, через который не проходят волны радиостанций УКВ диапазона – нужна прямая геометрическая видимость. Допуская мысль о наличии на вершине «духовских» постов, я прихожу к выводу, что подниматься наверх душманам удобней от кишлака, откуда они, вероятно, тропинки давно протоптали. Для нас же опасность встречи с противником увеличивалась на этапе подъема.

Одной из задач, которые командование дивизии ставило нашей разведке, было пресечение утечки информации о характере действий советских войск в районе военного городка, аэропорта Кабул, на котором дислоцировались части ВВС 40-й армии. Просто зафиксировать активность «духовской» разведки – мало, задача моей группы состояла в добывании сведений, которые бы подтвердили или опровергли те или иные умозаключения командования. Нам также ставилась задача, направленная на упреждение устремлений противника по обмену информацией, что зафиксировано наблюдением боевого охранения и давало основание считать – противник располагает данными, которые передавались световыми сигналами.

В течение определенного времени «духи» вели наблюдение, собирали информацию, а затем передавали ее в горы. Существовала и обратная связь – кишлаки, куда приходили сигналы подтверждения, ответа, установки. Оставалось во всем убедиться самим: захватить «языка», который бы пролил свет на действия противника.

– Виль, уходим за обратный скат, но смотри, – показал сержанту кулак.

Вскоре ветер утих, развиднелось, появились звезды, левее внизу обозначились контуры кишлачной зоны.

– Сигналят, товарищ лейтенант, сигналят!

Вздвигнув, я обернулся к связисту:

– Бл...дь, ты еще заори!

От неожиданного возгласа связиста я присел, всматриваясь в направление, обозначенное солдатом.

– Вон еще...

– Вижу, парниша, вижу, – прихожу в себя от вскрика бойца.

Сердце рвалось из груди: мигающая серия бликов явственно обозначилась в глубине кишлака. Источник света с нашего места не определить – далековато, но похоже на фонарь, который по определенному алгоритму кодовых знаков закрывают и открывают.

– Мухаметзянов, «ночник».

Припал к ночному прицелу. Изучаю кишлак, пытаюсь анализировать систему отблесков света. Он разный по времени и ритму: серия – пауза, опять серия – снова пауза.

– Вон еще, товарищ лейтенант, и вон, – сидя на корточках, связист потянулся вперед.

«Духи» совсем озверели – в разных местах кишлака одновременно заработали четыре световых объекта. Время – около полуночи. Кому идет информация? В горы – понятно, и в кишлаки! В них точно зимуют душманские группы, иначе теряется весь смысл световой информации. Вот в чем вопрос! Душманы проявили активность, в которой есть определенный резон. В чем он заключается? Что за этим стоит?

Решение – вперед на вершину. Мороз крепчал, это значит, снег скоро прекратится и улучшится видимость по горизонту, расширится поле наблюдения. Подъем.

Через час погода совсем прояснилась, прекратился снежок, звезды на небе обозначили путь свой в пространстве. Сверил время, сделав несложный расчет: на осмотр вершины отводилось не более часа и быстро назад. За темное время суток мы должны отойти к своему охранению – дневка в горах смерти подобна, замерзнем в камнях, засыпанных снегом.

Склон перешел в пологий подъем, приближая нас к верхнему плато. Сигнал «Внимание» – группа в готовности к бою легла за укрытия, дозорные оглянулись, чтобы синхронно сработать на случай душманской атаки. До самой вершины лежал серебристый при звездах снег. Я пытался разглядеть на нем нечто, похожее на следы – ничего! Пожалуй, сделаю привал, чтобы собраться с силами перед броском на вершину. Просигналил. Принято. Стоя на коленях, перемотал портянки, поправил снаряжение, на ствол автомата навинтил ПБС. АКМС 7.62 мм с прибором бесшумной беспламенной стрельбы на случай тихого устранения «духов». Магазин с трассерами я сменил на магазин с патронами с обыкновенным сердечником. Трассера я брал с собой для целеуказаний при необходимости плотного или сосредоточенного огня по противнику, моя очередь укажет разведчикам конкретную цель.

Ладно, отдышались, силы восстановили, пора обследовать верхнее плато хребта.

– Сафаров, Баравков, связист – за мной, Прокопенко, контролируешь тыл.

– Есть.

Разведчикам определил сектора наблюдения, Нищенко с Фетисовым поручил контролировать склон горы со стороны кишлаков.

– Дозор, вперед.

Мухаметзянов с Ксендиковым выдвинулись к вершине, я с группой захвата и связистом следовал за ними. Ветер утих, улучшилась видимость, хорошо были видны лежащие внизу кишлаки, но все равно беспокойно: а вдруг «духи» заминировали подходы к верхней площадке? Дело не только в том, что они вели наблюдение за нами, им же надо отдыхать, питаться, то есть отвлекаться от охраны поста. Прикрыться минами на уязвимых участках – вполне рабочая ситуация, впрочем, мины для «духов» пока дефицит, проще гранаты вывести на растяжки.

Мухаметзянов подал сигнал. Пригнувшись и проскочив между валунов, я сблизился с дозором. Старший дозорный в ночной прицел изучал выложенное из камня сооружение, темневшее перед нами.

– Виль, дай-ка.

Сержант подал прицел. Прижавшись к окуляру правым глазом, я изучал объекта внимания – следов не видно, возможно, припорошило снегом, дымком не пахло. Каменный склеп был перекрытым и замаскирован под рельеф вершины. С воздуха его не было видно, он сливался с фоном снежного покрова. А дальше? Система была построена с обзором в сторону аэродрома, базового лагеря. Основной сектор наблюдения – западное направление, составлял примерно градусов 90, захватывая аэродром и полосу до складов ГСМ у Ходжабугра. Хорошее дело, «духи» не сегодня контролируют нашу инфраструктуру, отвергая рискованные варианты выхода на ближние подступы к подразделениям нашего соединения. С вершины Черной горы

для них открывалась прекрасная панорама визуального наблюдения за советскими войсками, в том числе за их передвижением.

– Игорь, расположи ребят по кругу, развиднелось, «душки» могут пожаловать прямо сейчас.

– Двое прикроют тыл, товарищ лейтенант, двое от долины.

– Пойдет, размещай парней. Гена, Сергей – за мной.

След в след очень мы осторожно подходили к груде камней, уложенных таким образом, что, расположившись в них, можно вести наблюдение в сторону нашего городка, до которого было около семи километров. Сам городок, возможно, не просматривался на всю глубину, но подходы к нему с восточной стороны от домостроительного комбината были как на ладони. Боевое охранение с элементами обороны также попадало под наблюдение противника – не зря Сашка беспокоился о безопасности взвода. Хорошо видна каменоломня...

Что там дальше? Стоп. Каменоломня? Черт! Ну-ка! А не отсюда ли «духи» выследили машину с нашими бойцами, приехавшими за мраморной крошкой в карьер? Что это? Совпадение? Выходит, с Черной горы была дана информация душманскому отряду, совершившему дерзкий налет на безоружных советских солдат! Мысль ошарашила таким поворотом дела. А что? Реальный ход событий.

– Товарищ лейтенант, смотрите, – прервал размышления Сафаров.

На хребте за кишлаком в противоположной от нас стороне загорелся костер, затем другой – совершенно четко виднелось колеблющееся пламя. В кишлаке, оказывается, спали не все, он жил своей тайной и только ему ведомой жизнью – кишлак ожил: ответил один фонарик, за ним два других, вон – еще... Костры приобрели мигающий фон определенной системы. Тело сжалось в тревожном ожидании – вот-вот загорится огонь на нашей горе. В этом была полная уверенность. Но нет! Не видно.

– Обмениваются, сволочи, – выругался Баравков.

Сигналы обрели определенный алгоритм: с гор мигающая серия – пауза, следом ответная серия с кишлаков, затем наоборот – передают горы, принимают кишлаки. Зафиксировал время «иллюминации». У нас тихо. Про себя рассуждаю: «духи», вероятно, используют Черную гору для наблюдения в дневное время. Вряд ли у них есть приборы ночного видения, да и в темное время суток наши войска не передвигаются, объекты внимания для наблюдателей противника не работают. То есть ночами «духам» здесь делать нечего – наблюдение ведут днем, получают информацию, обрабатывают и в ближайшую ночь с кишлаков передают в горы. «Гнать» информацию можно и с Черной горы – она господствует над местностью, не будь на виду боевого охранения. Не исключено, что экстренный способ передачи сигналов существует именно отсюда. Скорее всего, так и есть. Значит, работают и ночью. Возможно, прямо сейчас.

Пригнувшись в готовности к открытию огня, мы подошли к каменному сооружению, откуда человеческим присутствием и продуктами его жизнедеятельности не пахло. Что там внутри? Включив НСПУ (ночной стрелковый прицел унифицированный) я сунул ствол автомата в открытое оконце в виде прямоугольного отверстия. Рассмотрел внутреннее расположение, но ничего особенного, за что бы зацепился глаз, я не заметил – голые стены каменного мешка. Лезть внутрь не имело смысла, засветим себя или нарвемся на мину. Что-нибудь интересное там вряд ли обнаружим, а себя обозначим противнику. Принимаю решение аккуратно уйти от наблюдательного поста, не оставив следов на снегу, и наблюдать за долиной с обратной стороны горы, которая не просматривалась с позиции боевого охранения и была закрыта грядой.

Дозору с прикрытием Нищенко я уточнил задачу: спуститься метров триста ниже вершины и понаблюдать за кишлаком. Отдохнув и поправив снаряжение, я повел группу на спуск в долину.

– Товарищ лейтенант, «база», – связист протянул гарнитуру станции.

– Передай: «111» и радиомолчание.

– Понял. «База», я «30», прими «111», выхожу из связи.

«111» – все в порядке, большего сообщить начальнику разведки я не могу. Михаил Федорович – порывистый и очень энергичный человек. Понимаю, как ему тяжело дается ожидание разведчиков с боевого задания, тем более, сегодня ночью одновременно работают несколько разведывательных групп. Вернемся на базу, дядя Миша, как любовно мы называем его, «ответит» на нас душу, но, отойдя от переживаний, похвалит. Работа у него такая – волноваться за разведчиков.

Посмотрел на часы. Пора сниматься.

– Товарищ лейтенант, вижу костер, – доложил связист.

– Так, вижу.

На хребте за кишлаком появился костер, наверное, «духи» используют солярку. Переключаю внимание на кишлак и вижу остолбеневшее лицо Сафарова:

– Товарищ лейтенант, – Сергей показывает рукой.

На склоне нашей Черной горы метров триста ниже нас по уровню высоты загорелся фонарь – закрытый источник огня. Тут же «заиграла» серия миганий. Подключились кишлаки, ответили горы – заработала устойчивая система световых алгоритмов. Минут пять уверенной «иллюминации» и световая гирлянда исчезла.

Пришел в себя. Что же получается? «Духовские» сигнальщики поднимались на гору с обратной, то есть восточной стороны. Мысль об этом уже приходила, но они поднимаются не на вершину горы (во всяком случае, ночью), а на две трети вверх и передают собранную за день информацию дальним кишлакам и напрямую в горы. А как они от кишлаков выдвигаются к Черной горе?

– Мухаметзянов, НСПУ.

Ночным прицелом «пробежался» по местности от кишлака до хребта. Сектор наблюдения вправо был не очень небольшой – закрывала правая оконечность гряды, но кое-что было видно. Пытаюсь определить путь сигнальщика от Тарахейля до рубежа подъема на гору. Запоминаю предметы на местности, которые в последующем могут служить ориентирами. Зафиксировал. Пригодится для организации засады на сигнальщиков и наблюдателей на участке между кишлаком и горной грядой. Не думаю, что «духи», поднимаясь на гору, каждый раз ходят разными маршрутами – они у себя дома, чувствуют себя уверенно, тропок у них немного. Пожалуй, хватит. Достаточно, чтобы хоть как-то представлять информационный характер действий «духов» в восточном секторе зоны ответственности. Выводы были неутешительными: обмениваясь информацией, имеющей системный характер, противник проявляет активную деятельность. Так! Время? Поджимает, снимаемся. Сигнал «Вперед». Нам предстоял сложный и утомительный спуск в долину с последующим выходом на базу.

Изматывающий спуск в долину отбирал последние силы. Не сомневаюсь, это была первая боевая задача, отнявшая огромный запас физических возможностей каждого из нас в отдельности. Одно восхождение на вершину – победа над собой и слабостью. На базу возвращались с результатом, над которым предстояло еще размышлять, анализировать. «Иллюминация», устроенная «духами», подтверждала прежние выводы и намерения противника: в районе Тарахейль активизируются действия. Что бы это значило? Нужны были дополнительные сведения, которые бы расширили информационное поле о противнике. Мы, разведка дивизии, располагали только базовой основой, от которой следовало двигаться вперед.

Чем ближе приближались к позиции боевого охранения, тем явственней носы разведчиков ловили запах вкусного дыма. На востоке полоска светлеющего неба обозначила контур опорного пункта.

– Шесть, – крикнул боец из окопа.

– Пять, – ответил дозор.

Можно идти. Группа втянулась в траншею позиции взвода, на площадке возле ПХД скинули лыжи, рюкзаки, снаряжение, разведчики падали от усталости. Подбежал командир охранения.

– Ну, что? – схватил за руку Александр.

– Что-что? ...твою мать, думал – криндец, не дойдем.

Присев на снег, я повалился на бок – хорошо бы полежать, расслабив уставшие ноги.

– Саш, согрей парней горячим чайком.

– Не беспокойся, Валер, чай готов и перекусить найдется – всю ночь поджидали вас. Скрынников по радио устроил разнос – ты как сквозь землю провалился. Доложил ему – в полосе разведки спокойно, красной ракеты не видно, но твоя радиостанция молчала.

Я кинул на кровать десантную куртку и буквально упал на стул, но, собрав волю в кулак, встал и подошел к умывальнику ополоснуть лицо и руки.

– Сто грамм не повредит, Валер, даже поможет.

Сашка из целлофанового пакета плеснул по кружкам желтовато-зеленую жидкость.

– Стоп-стоп, Сань, мне еще докладывать Скрынникову.

– Херня, Валер, не обижай меня, ешь картошечку и все будет в ажуре.

– Ладно, за успех нашего дела безнадёжного.

Сосредоточившись, словно перед атакой, я опрокинул в рот омерзительную жидкость. Даже луковица не спасала от вони местной самогонки. С привкусом ацетона шароп растекался по венам, вызывая рвотный рефлекс. Чего там только не было! Абрикос, куриный помет, табак – в голову шибало так, что тормозило центры головного мозга и вызывало головную боль. Это вам не русская водочка, а местная гадость, от которой плавилась мозги. Пойдет. Сейчас все пойдет.

– Значит так, – Сашка с аппетитом заедал шароп, – группу заметили метров за сто, в прицел БМД – на большем расстоянии. Нормально. Со стороны проезжей части движения не было, видеть вас не могли, так что – отдыхай, братишка.

– Хорошо бы, Санек, но там такое поле работы, а «светиться» «духам» не хотелось бы.

– Стоп, Валерик, рассказывай.

– Вывод один, Сань: в любой момент ожидай атаки. Там такая светомузыка «играет»! Не думаю, что у них много информации по базовому городку. Все-таки прикрытая войсками территория и просто так не зайдешь в закрытую зону. Ты первый на их пути, напасть на тебя, похоже, дело «духовской» чести. Черная гора – наблюдательный пост, с обратного ската сигналят фонарями – тебе этого не видно. Объем передаваемой информации большой. О чем? Ты, как на ладони, значит, о тебе – боевом охранении. И что получается? Нанести удар по тебе – это для «духов» самое удачное решение.

Машина подъезжала, осторожно минуя шлагбаум, заехала на рабочую площадку ПХД. Корибицын выпрыгнул из кабины.

– Здоров, дорогая пропажа.

– Привет, Серега, только не трогай – упаду.

– Загружайся, Валер, Скрынников ожидает.

– Кроет матом?

– Еще как!

– Домой, братва!

Дядя Миша ожидал доклада о нашей работе, чувствую, достанется мне. Ладно, все же есть о чем доложить начальнику...

– Хватит спать, подъем, – слышу голос Корибицына.

Открыл глаза. Уснул что ли? Сразу и не «врубился». Тент машины был поднят, разведчики, положив головы на плечи друг другу, спали безмятежным сном. За полчаса езды до лагеря все уснули от усталости. Перевалившись через задний борт, я встал у машины, ожидая

высадку разведчиков. От палатки офицерского состава шел Михаил Федорович Скрынников, следом Комар.

– Товарищ гвардии майор, личный состав разведывательной группы после выполнения боевого задания прибыл. Потерь не имею. Командир группы гвардии лейтенант Марченко.

Глаза-буравчики начальника смотрели испытующе, слегка подозрительно, но мы-то хорошо знали: дядя Миша поругается, накричит, между тем, он добрейший души человек, понимающий нелегкую службу своих подчиненных.

– Тьфу, всю ночь из-за тебя не уснул.

Михаил Федорович сверлил острыми глазами до самых кишок. Докладываю:

– Товарищ гвардии майор, задание выполнено, выходить в эфир не позволила обстановка, готов доложить результаты разведки. Разрешите, дам указания Сафарову?

– Давай. Жду.

– Есть.

В офицерской палатке доклад начальнику разведки я начал с описания местности, населенных пунктов, применительно к которым я реализовывал решение на разведку. Отдельным вопросом вынес значение Черной горы в системе охраны, обороны стратегических объектов: аэродрома, базового городка, других объектов, отметил факт наличия противника в непосредственной близости от аэропорта. Отметил, что душманы проявили себя в кишлаках и горной местности активной передачей световой информации. Сформулировал вывод о том, что боевые отряды «духов» вероятней всего имеют в кишлачной зоне своих сторонников, с которыми поддерживают регулярную связь. (Только ли методом световой информации?) Сделал упор на активность противника в передаче информации – два-три раза за ночь, что дает основание считать – «духам» есть что передавать.

Высказал предположение о том, что душманское подполье изучает советские войска в районе аэропорта Кабул. Существует связь кишлаков с горами не только методом световой информации, но и, вероятно, через связных и курьеров. Душманы организовали сбор разведывательных данных о наших частях, подразделениях боевого охранения, которые являются объектами их пристального внимания. В части сбора информации о душманском сопротивлении я предложил применить метод общения с местными жителями (выложил вариант работы боевого охранения Александра). Далее сделал вывод по работе за ночь: факт активизации действий противника восточней аэропорта Кабул 7–10 километров дает основание предполагать о его возможных атаках на воинские подразделения Советской армии, задействованные в боевом охранении по периметру Кабула.

В целом восточное направление зоны ответственности дивизии я оценил как важнейший район деятельности дивизионной разведки, но долину за перевалом Паймунар также нельзя оставлять без внимания. Это звенья одной цепочки. В конце доклада я попросил начальника разведки заручиться поддержкой начальника штаба дивизии, начальника политотдела по работе с местным населением на участке нашего боевого охранения.

Михаил Федорович эмоционально реагировал на некоторые мои, с его точки зрения, авантюрные предложения, но за работу группы выразил благодарность, после чего отправил отдыхать.

– Шароп заедай лучше, Марченко.

– Есть, товарищ майор.

Пререкаться с Михаилом Федоровичем не имело смысла – достанется. Комар напомнил, что вечером во взводах проведем общие собрания по подведению итогов. Минут через пять я провалился в глубокий сон...

Глава 6

Вечерние часы за столом, когда офицеры роты собирались вместе, проходили в дружной атмосфере сильного мужского коллектива: мы вспоминали Витебск, обсуждали работу, прогнозировали дальнейшие события. Иван Комар рассказывал о новостях в штабе дивизии, переходили на обсуждение вопросов охраны резиденции Маршала Советского Союза С. Л. Соколова, литерной стоянки самолетов, ведения разведки. Говорили о подготовке к боевой операции, в которой задействовались части дивизии. На учебном поле предгорий Ходжа-Раваш тренировались подразделения 317-го парашютно-десантного полка. Мы не знали района боевых действий, целей, задач операции, но подготовка к масштабным боевым действиям шла полным ходом. Офицеры штаба дивизии отрабатывали документы, планы, схемы, графики, проводили комплексные мероприятия по организации взаимодействия частей и подразделений. Чувствовалась особая озабоченность в лицах офицеров оперативного отдела – в операции участвовали афганские подразделения, а опыт совместных действий еще не был наработан. Мы понимали, что на разведку дивизии ложилась ответственность за данные о противнике, предстояло много работать в горах. Сегодня за столом вокруг этих тем и шел неспешный разговор.

– У всех налито? – взял слово Гришин, – товарищи офицеры, прапорщики, мой тост прстой – за наших родных и близких, которые ждут нас дома, волнуются. Здоровья им, настроения, удачи.

Выпили стоя. Разговоры о Витебске продолжались в шумной и веселой атмосфере: Чернега вспомнил нашу охоту на кабанов в Зароновском лесу, что находится рядом с учебным центром Лосвидо, где мы чуть-чуть не перестреляли друг друга. Вспомнили учения, разведываемые, многочисленные проверки. Смех, шутки – добрый получился и замечательный вечер.

– Слово Родину Анатолию Артемовичу, – предложил замполит. (Тогда еще не было афганского третьего тоста).

– За женщин! – выдал Толян.

Он был немногословным, но надежным парнем. Опрокинув остатки спирта, продолжили беседу.

– Валер, – Иван повернулся ко мне, – завтра в ночь уходишь в район кишлаков. Пока ты отдыхал, я был в штабе у дяди Миши, он доложил Петрякову твою информацию о действиях «духов» сигналами – выводы и предложения еще анализируются, но Петряков согласился, что «духов» в твоём районе надо разрабатывать дальше. Завтра наше боевое охранение получит приказ на частичное общение с местным населением, но в ограниченном порядке, особый отдел нашу работу будет держать на контроле.

– Понял, Иван Геннадьевич. Одна просьба: люди устали, пусть поспят до обеда.

– Хорошо. С Артемычем поработай по связи – радиомолчание группы в боевой задаче беспокоит командование дивизии. Сам понимаешь...

– У меня же отработано взаимодействие с охранением – зажмут, обозначу себя ракетой, выйду открытым текстом.

– Ты это комдиву скажи.

– Понял, Иван, мой выход в эфир будет дублировать боевое охранение работой в качестве ретранслятора. В зоне разведки мне нельзя «светиться» – я исхожу из того, что противник слушает эфир, что позволяет «духам» сработать на перехват.

– Хорошо, Валера, согласен, а теперь на отдых.

Как всегда по утрам, личный состав, свободный от нарядов и службы, строился, командир роты проводил развод на занятия, боевую и другую работу.

– Порядок работы следующий, – Иван Геннадьевич уточнил план на сегодняшний день, – под руководством командиров взводов два часа политических занятий. Затем 1-й и 2-й взводы

готовятся к службе по охране государственных объектов, разведчики 3-го взвода до обеда отдыхают, а в ночь уходят на выполнение боевой задачи. Взводы связи и радиотехнической разведки обеспечивают внутренний наряд подразделения и усиливают разведгруппу лейтенанта Марченко. Вопросы?

– Иван Геннадьевич, вечером баня, – уточнил Андрейчук.

– Да, старшина, доведи график помывки до командиров взводов.

– Есть.

– Еще вопросы, товарищи?

– Никак нет, – дружно ответила рота.

– Владимир Николаевич, порядок политзанятий, – напомнил командир замполиту.

Гришин уточнил места проведения занятий, проверил конспекты руководителей групп политзанятий.

– Все, Владимир Николаевич?

– Так точно, Иван Геннадьевич.

Командир роты скомандовал:

– Товарищи офицеры, в строй. Равняйся. Смирно. К торжественному маршу. Справа повзводно, первый взвод прямо, остальные – напра-во. Шагом марш.

Торжественным маршем рота прошла мимо командира роты и сразу же разошлась по местам политических занятий.

Проверив у разведчиков наличие конспектов, я объявил тему, цели, задачи лекции, затем под запись дал содержание учебных вопросов. Для семинарского занятия достаточно, главное, чтобы солдаты могли сформулировать четкий, но ясный ответ по вопросам, сделать выводы.

Занятия обозначены – теперь к делу. Если кто-нибудь из политотдела зайдет проверить политподготовку, у меня все в порядке: план занятий есть, личный состав конспектирует лекцию. Теперь о главном:

– Товарищи разведчики, в ночь убываем на задачу! Сделав паузу и собравшись с мыслями, я продолжил:

– В этот раз в смысле физической нагрузки будет проще, но в то же время сложнее – идем в душманское пекло. Мы знаем, Тарахейль обрел дурную славу после того, как душманы из числа его жителей убили наших солдат и, поправ все законы человеческой чести, надругались над телами погибших. Враг жестокий, коварный, ошибок не прощает. От нас требуется максимум сосредоточенности, воли, чтобы выполнить задачу, а при благоприятно сложившихся обстоятельствах – захватить «языка».

Сосредоточившись на мысли, я продолжил:

– Есть основание считать, что противник поддерживает связь между отрядами, подпольем в кишлаках не только методом световой информации, но и связными, курьерами, которые передвигаются в горы и обратно. Это главный момент, который сослужит нам доброе дело. Боевой порядок группы: старший дозора – Ивонин, с ним – Ксендигов.

– Андрей, принцип движения такой: посмотрел в ночной прицел – чисто, продвинулся вперед, опять посмотрел – вперед. Только так! Любая опасность – стой, сигнал. Ясно?

– Так точно, – ответил старший дозора.

– Не забывай – маршрут выбираешь так, чтобы луна не слепила глаза.

– Понятно, товарищ лейтенант.

Передохнув, я посмотрел на Мухаметзянова.

– Виль, вчера со Славой сработали нормально, а вот почему – нормально, кто ответит?

В палатке повисла тишина.

– Материал не знаете, товарищи разведчики. Нормально потому, что не вляпались «духам». Надеюсь, понятно?

– Так точно, – хором ответили бойцы.

– На этот раз ситуация опасней – заглянем к «духам» в кишлак, а вот насколько глубоко и серьезно, сориентируемся по обстановке, но задача захвата «языка» остается главной. Сегодня, Виль, работаешь старшим группы обеспечения. Твоя задача – прикрыть группу захвата до ее ухода к боевому охранению. Поддержишь Сафарова и Баравкова на всех этапах задачи.

– Есть.

С Мухаметзяновым хорошо работалось, он быстро соображал, знал, что от него требовалось, не задавал лишних вопросов.

– Хорошо. Прокопенко?

– Я.

– Действовал молодцом, дозор не терял, держал на зрительной связи, – похвалил я разведчика.

Задача ведущего группы следовать за дозором и ни в коем случае не терять его из виду, фиксировать сигналы и реагировать на них в установленном порядке.

– Сегодня отпусти дозор подальше, но не теряй, ночь, вероятно, будет светлее и видимость лучше. Если Мухаметзянов и Ксендилов столкнутся с противником, прикрой огнем, пока дозор выходит на новый маршрут, но от меня со связистом не отставать. С этим понятно?

– Понятно.

Связисту, прикрепленному к группе, задачу ставлю отдельно, она специфична и других разведчиков не касается.

– Сергей, – обращаюсь к заместителю, – с Баравковым работаешь в захвате. С Генкой еще поработайте, чтобы было тихо, быстро и без писка. Если «облом» – в сторону, я с Гапоненко прикрою. Это тоже понятно?

– П-предельно, товарищ лейтенант.

Я посмотрел на Генку, не прикалывает ли меня? Глаза сержанта смотрели преданно и верно: пошутить он любил, посмеяться тоже, но игривость настроения перед опасной работой была неуместной.

– Хм, ну, ладно.

Гена потупился, понимая некорректность легкого настроения. Я проинструктировал группу обеспечения, на которую возложил не менее серьезные обязанности.

– Нищенко, – показываю сержанту кулак, – ты понял?

– Так точно, товарищ лейтенант, – кивнул командир отделения.

– Игорь, с тобой Фетисов, Архипов, Сокуров. Задача – все видеть и держать на контроле все этапы работы. В случае огневого контакта с противником, обеспечить выход из боя. Особое внимание – тыл. У всех четверых головы должны крутиться на 720 градусов, не позволяйте «духам» «пристроиться» с тыла. Понятно?

– Так точно.

– Ивонин!

– Я!

– С тобой Гапоненко, Яруков, Пальцев. Задача: работать по ведению разведки, в случае огневого контакта с противником обеспечить эвакуацию раненых и убитых, контролировать ситуацию и никого не оставить в бою. Надо показывать, как вводить промедол?

– Никак нет.

– Взять у санинструктора бинты и жгуты.

– Есть, товарищ лейтенант, «Таблетка» получил.

– Пальцев, вводная установка: у Гапоненко пулевое ранение в предплечье правой руки. Действуй!

– У меня жгута с собой нет, товарищ лейтенант, – заморгал глазами рыжий здоровяк.

– Пальцев, – заорал на него, – у Гапоненко ранение в предплечье правой руки!!!

Суется, ефрейтор вскочил, пытаюсь куда-то бежать, потом сообразил, что делает что-то не то, выдернул брючный ремень, опрокинул Гапоненко на кровать и перетянул ремнем предплечье руки условного раненого.

– Еще раз проявишь нерезкость – останешься в роте. В бою, Пальцев, не будет времени на размышление, стандартные ситуации должны быть отработаны до автоматизма. Может, я что-то не то говорю, и ты меня поправишь?

Молчание. На шум, раздавшийся снаружи, бойцы повернули головы.

– Что случилось? – замполит роты, вбежав, оглядел группу политических занятий 3-го разведывательного взвода.

– Товарищ гвардии старший лейтенант, – вскочил Архипов, – у Гапоненко от перенапряжения в голове открылось кровотечение правой руки.

Реплика без разрешения, смех разведчиков на политзанятиях не понравился Гришину.

– Архипов, у меня такое ощущение, что ты со вчерашнего дня не махал лопатой, – тяжелый взгляд замполита остановился на чернявом балагуре.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант.

– Владимир Николаевич, – вмешиваюсь в ситуацию, – я сделал условный перерыв и отработал вводную по наложению жгута на рану – три минуты, чтобы встряхнуться.

Гришин понимающе кивнул, но Архипова не оставил без внимания:

– Скажи-ка мне, Архипов, что такое развитое социалистическое общество?

Раскачиваясь на носках сапог, замполит роты остановил взгляд на шутнике взводного масштаба. Вляпался парень основательно, старший лейтенант Гришин – человек принципиальный, жестковатый.

– Товарищ старший лейтенант, развитое социалистическое общество – это фаза коммунизма, где действует принцип: от каждого – по способностям, каждому – по труду. По мере развития социализма и его укрепления государство диктатуры пролетариата превращается в общенародное социалистическое государство, выражающее волю и интересы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Утверждается новый социалистический образ жизни, – стоя по стойке «смирно», доложил Архипов.

Замполит роты, ошеломленный бойким ответом, удивленно смотрел на разведчика.

– Продолжайте, Валерий Григорьевич, – и пошел дальше проверять занятия по наиболее важной дисциплине в Советской армии.

Боевые выходы разведывательных групп 80-й отдельной разведывательной роты 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии с задачей ведения разведки мятежников выявили их активную деятельность в кишлачных массивах, прилегавших к Кабулу.

Мятежники обменивались информацией в темное время суток методом подачи световых сигналов лампами, кострами, фонариками. «Иллюминация», которую душманы устраивали в горах, кишлаках, свидетельствовала о наличии у них разведывательных данных о советских войсках. В первую очередь, о гвардейской воздушно-десантной дивизии, палаточный лагерь которой раскинулся вблизи кабульского аэродрома.

Выходы моей разведывательной группы к кишлаку Тарахейль, что примыкал сетью дувалов к обратному скату темной вершины, получившей название Чёрной горы, носили еженощный характер. Морозными вечерами я уводил разведывательную группу в тыл противника, где, наблюдая за жилым массивом, изучал подходы для захвата сигнальщиков, курьеров – связующих звеньев душманского подполья с мятежниками в горах. Уходил с группой на лыжах через боевое охранение в составе парашютно-десантного взвода, бойцы которого вгрызлись в каменное плато у широкой долины. Под утро возвращался назад.

Планируя очередной выход в ночь, я не мог отделаться от терзавших сомнений, а что, если «сигнальщики» засекли мою группу при выполнении задания? Выпустили? Не ударили из засады? – Оставили на потом, куда, мол, денемся? А «засветиться» могли, где угодно: у того же

боевого охранения, на Чёрной горе, при возвращении на базу. Противнику ясно, что рано или поздно мы появимся на их территории для добывания интересующей нас информации. Соответственно, сюрприз в виде засады или даже – засад – был обеспечен сполна! Таким образом, размышлял я, нужны были новые, нестандартные решения на разведку, которые бы исключали случайные риски при действии группы в тылу у мятежников. Иначе удачи не видать!

В ожидании начальника разведки дивизии майора Скрынникова я грелся у «полариса», обдумывая выход ночью к кишлачному массиву за Чёрной горой. Мои размышления исходили из возможных умозаключений командира мятежников, получившего информацию об отместившейся в его тылу разведке «шурави». С этой позиции и выстраивал ответные действия «духовского» командира в отношении перехвата разведывательной группы русских.

«Мятежники» – это большей частью подразделения регулярной афганской армии, перешедшие в лагерь оппозиции. Их командиры, имея военное образование выпускников военных училищ европейских стран, в том числе и Советского Союза, мыслили грамотно. Варианты выхода русских разведчиков в их тылы просчитывались легко, и они понимали, что «шурави», изучив господствующий над местностью хребет, «засекли» передачу световой информации из кишлаков – к горному массиву и обратно.

Вне сомнения, русские заинтересуются активной деятельностью отрядов оппозиции в кишлаках и горах, примут меры по наращиванию усилий для получения информации с привлечением авиации. Правда, в данной ситуации она малоэффективна, боевики скрыты в пещерах, что исключает их обнаружение с воздуха. Несколько самолётовылетов покажут бесперспективность воздушной разведки, после чего русским ничего не останется, как задействовать войсковую разведку. Ею уже обследован горный хребет и она, вне сомнения, на этом не остановится и углубится дальше.

Что за этим следует? В кишлаки русские не полезут – опасно, тем более – они не знают местных условий, а устроить засады в пределах интересующего их района – привлекательно. Остаётся просчитать возможные маршруты выхода русских групп к кишлакам и организовать их перехват с нескольких направлений сразу.

Есть и «зацепка»! Русская разведка «привязывает» действия к охранению, на вооружении которого боевая техника, пулемёты, оборудованный опорный пункт. Значит, охранение «шурави» – под визуальный контроль! Бачата и местное население справятся. Само охранение русских разведку не высылают – наблюдают за местностью, обороняя собственные позиции. Выводы: русские ведут разведку силами специальных операций. В тёмное время суток они скрытно прибывают на заставу и уходят к кишлакам. Открытые участки местности преодолевают в ночное время или непогоду, минимизируя риски оказаться замеченными. Из логики рассуждений условного командира мятежников можно было выделить ещё с десятков факторов, не вызывающих оптимизма, я уж не говорю – куража. Анализ ситуации с позиции противника не в нашу пользу!

Стоп, карту! Каким бы образом размышлял командир мятежников в отношении устройства засад против наших разведывательных групп? Вне сомнения, выяснением возможных маршрутов выдвижения в тылы кишлаков, что является главной составляющей в организации операции по их перехвату! Маршрутов немного – открытое пространство. Русские могут использовать мандех, пересекающий плато предгорья с запада на восток, – скрытно и не оставляя следов. Или поступить хитрее – выйти вдоль основания хребта к окраинам кишлаков, теряясь в складках местности. Значит, в этой полосе и надо встречать разведывательные группы русских, выставив засады перед хребтом и после него. На случай, если «шурави» просочатся через первый заслон.

«Да-а-а, незавидна наша роль», – поймал себя на мысли, вжившись в образ душманского командира. Боевое охранение надо забыть, оно под контролем противника! Нужен поиск нестандартного решения на разведку, тем более – с захватом «языка»! Подход к нему дол-

жен выстраиваться методом от противного. По меньшей мере, он должен иметь «изюминку»! Противник не должен ожидать от разведки русских каких-либо действий с проникновением в кишлачную зону. А мы же в это время и должны работать на его территории. «Только неординарные решения на разведку, – сделал я вывод, – могут служить успехом в достижении поставленных целей! Да и чего скрывать? Целее будем!»

Отдыхая после ночи с восхождением в мороз и шквалистый ветер на Чёрную гору, думалось, что исследование кишлаков отнимет меньше физических сил, но – как бы ни так! Тело ломало от чрезмерной нагрузки и психоэмоционального напряжения. Тем не менее, очередной выход на боевое задание я готовил тщательно. Поработал с разведчиками над «домашними заготовками» ухода от противника при форс-мажорных обстоятельствах, захватом «языка», прикрытием выхода из боя. Проверил оружие, боеприпасы, экипировку, неудобную в горах, другие вопросы, наработанные в лесах Белоруссии.

Начальник разведки дивизии майор Скрынников, как обычно, информировал нас, офицеров-разведчиков, о данных агентурной разведки – нашей, афганской, – заслушивал командиров разведгрупп, ставил задачи. Мне предстояло доложить ему о подробностях восхождения на Чёрную гору и решение на разведку в предстоящую ночь. После чего, заручившись его «добром», уйти на очередное боевое задание, исчезнув с группой в предгорьях Хингиля.

Скрынников был не в духе. Скользя взглядом по нашим лицам, Михаил Фёдорович, не торопясь, обрисовал обстановку:

– В Кабуле, товарищи, называют события... Как бы это выразиться? Серьёзные! На нас с вами, разведчиков, ложится ответственность, которую сложно понять, оценить и разобраться в процессах, которые происходят в стране...

Преамбула начальника не вызвала каких-либо эмоций у офицеров. Поэтому мы молча, внимали начальнику. Тем не менее, командир дивизионных разведчиков старший лейтенант Иван Комар уточнил:

– Подробней можно, товарищ майор?

Вздыхнув, Скрынников опустил голову:

– Можно, хлопцы, теперь всё можно! Начну с главного! Агентурная разведка подтвердила ваши данные о подготовке в Кабуле вооружённых выступлений оппозиции! Вы это хотели услышать, Иван Геннадьевич?

– Так точно! – невозмутимо подтвердил командир.

– Действительно, в столицу просачиваются мятежные отряды, принадлежащие различным партиям, хозяевам, но с общей целью – свержением правительства Кармаля. Вами фиксируется в горах «светомузыка»? Верно, Марченко?

– Так точно! – вскочил я. – В кишлаках тоже!..

– Сиди уж, – отмахнулся Михаил Фёдорович. – Говорю, как есть – дивизия готовится к войне! Ограниченный контингент втягивается в боевые действия с мятежниками... И на ум приходят мысли: правильно ли мы, разведчики, понимаем задачи, поставленные генералом Рябченко? А?

Оценив молчаливую реакцию офицеров, Скрынников подчеркнул:

– В части информации. На сторону противников правительства переходят части регулярной афганской армии. Ситуация непредсказуема, скажу больше – командованием советских войск принято решение о проведении в провинции Кунар войсковой операции...

В палатке повисла тишина. Казалось, «поларис», жадно пожиравший соляр, убавил свой устрашающий гул. Слышно было, как завывала вьюга, терзая брезент армейской палатки.

– От разведывательных подразделений дивизии, – продолжил Михаил Фёдорович, – к операции привлекается разведрота 317-го парашютно-десантного полка – старшего лейтенанта Мостибродского. Остальные работают в зоне ответственности соединения.

– А мы, товарищ майор?

– И вы тоже, Иван Геннадьевич, составляете резерв командира дивизии на случай непредвиденных обстоятельств развития операции в Кунаре.

– Это вроде как не у дел, – буркнул Ленцов.

– Ещё чего, Александр Иванович! Добываемая вами информация имеет огромное значение, а для драки с мятежниками есть парашютно-десантные подразделения. Пусть и они воюют! Наша задача – разведка! Вот и работайте! Ищите противника! Выбивайте данные!

– А чего «пристегнули» «литерную»? «Курковых» подразделений не хватает, что ли?

– Командиру дивизии виднее, Иван Геннадьевич, и не болтать лишнего! Всем хватит войны! Переходим к делу! – Михаил Фёдорович расстегнул верхнюю пуговицу полевого обмундирования. – В связи с тем, что оппозиция концентрируется в Кабуле, разведке дивизии приказано сосредоточиться на получении информации о базах, пунктах сбора, местах и способах просачивания в город. Мы должны знать намерения мятежников, товарищи разведчики! Вот и думай, Ленцов, при деле остаемся или курум бамбук?

Начальник сделал паузу. Молчали и разведчики.

– Что у тебя, Марченко, по работе ночью? Докладывай!

Чуть приподняв голову от неожиданного перехода, я развернул топографическую карту:

– Решение на разведку прошлой ночью, товарищ майор, реализовывалось мной в при-
вязке Чёрной горы и кишлачного массива к системе охраны и обороны стратегических объектов: аэродрома и городка дивизии. Характер действий мятежников позволяет судить о взятии ими под визуальный контроль интересующих объектов, что и активизировало обмен световой информацией с горами... Есть основание считать, что в скальных разработках хребтов – здесь, здесь и здесь, – ткнул я карандашом в карту, – зимуют вооружённые отряды мятежников... Отмечен наблюдатель в нашей тыловой зоне – непосредственно у аэродрома...

– Только ли световыми сигналами проявили себя мятежники или, может, слышатся выстрелы? Осуществляется передвижение? – уточнил начальник.

– Никак нет, товарищ майор, выстрелы не отмечены, передвижение не обнаружено! Но выход противников новой власти на световую связь два-три раза за ночь, полагаю, имеет веское значение – есть, что передавать в горы. Иначе зачем эта «иллюминация»?

– Резонно! – отчеркнул кружочек на карте начальник разведки.

– Разрешите предположение?

– Выкладывай.

– Возможно, существует более тесная связь кишлаков с горами. И не только средствами световой информации, а через связных и курьеров. Если информацию о противнике «процедить» через факторный анализ, мятежниками организован сбор разведданных о наших подразделениях, задействованных в боевом охранении по периметру столицы. Они же, по докладам наших командиров, являются объектами пристального внимания местного населения. Поэтому... Активность разведки мятежников в полосе семь-десять километров восточнее аэродрома «Кабул» имеет, не исключено, цель нападения на подразделения боевого охранения.

– Угу, угу...

– Если обратимся к карте, товарищ майор, получается следующая картина: в кишлаках Бахтиаран, Шаникалай и Танихейль три ночи подряд отмечены сигналы. Кому они предназначены? Душманам в горах! С точек хребта Хингиль – смотрите: вот, вот и вот – им отвечали. Таким образом, зафиксирован активный обмен световой информацией... Вывод! Если агентурную ориентировку, доведённую вами о шевелении подполья в Кабуле, увязать с активностью мятежников на подходе к столице, представляется, что события приобретают более, чем серьёзный характер.

– Угу-у-у...

Скрынников думал. Было о чём подумать начальнику разведки соединения! Генерал-майор Рябченко требовал от разведчиков информацию о мятежниках: их состав, намере-

ния, возможный характер действий. Сложность ситуации в стране усугублялась переходом к противникам Саурской революции частей регулярной афганской армии, не выказавших преданности руководству страны. Причём, к мятежникам уходили элитные подразделения горных стрелков, расположенные в приграничных уездах с Пакистаном.

– Предположение высказал, товарищ майор, разрешите предложение?

– Только без волюнтаризма, Марченко!

– Есть!

Мои предложения начальник разведки дивизии мог разбить своими контраргументами, при этом не скупясь на крепкие выражения, на которые Михаил Фёдорович был горазд. Тем не менее, эти мои предложения исходили, прежде всего, из ощущения того, что прошлой ночью моя разведгруппа при выполнении задания «засветилась» у Чёрной горы. Вроде и сработали без «сучка и задоринки», но, как говорится, бережёного и Бог бережёт... Если ситуацию рассматривать без лирики и драматизма, не хотелось повторяться в маршруте входа в задание через наше боевое охранение, где и мог случиться «прокол». Что-то говорило об этом...

– Предложение следующего порядка, товарищ майор: утвердить решение по входу группы в задание через хребет перевала Паймунар. Сегодня в боевое охранение не полезу.

Лицо Скрынникова вытянулось. «Отправит служить к “авантюристам” или ещё дальше?»

– Карту!

– Вот.

Начальник разведки уткнулся в «стотысячную» «километровку», на которой красным карандашом была нанесена зона ответственности дивизии.

– Ну и?..

Зная взрывной темперамент начальника, изложение сути своего предложения я начал с осторожной фразы:

– Задача не меняется, товарищ майор, остаётся прежней...

– Ну?

– Я корректирую выход группы в кишлачную зону Тарахейль не через боевое охранение, которое, скорее всего, под наблюдением противника, а через обратный скат перевала Паймунар. То есть втягивание в тыл мятежников предлагаю осуществить из-за хребта.

– Это ж «крючок» получается? – оторвался от карты Скрынников.

– Около семнадцати километров...

– Не улавливаю сути...

– Кх-кх, товарищ майор, я исхожу из того, что прошлой ночью «духи» почувствовали нас на Чёрной горе – до сигнальщиков было не более трёхсот метров. В горах это большое расстояние, но я не исключаю засаду, перехват группы – это реальные вещи, что и беспокоит!

– Хм, «внутренний» голос?..

– Есть причина для беспокойства другого плана, связанная с «прослушкой» противником наших частот. Поэтому, товарищ майор, предлагаю следующее: в задание включить Тютвина с парой связистов. С одной стороны, Николай сработает ретранслятором, обеспечив со мной устойчивую связь, с другой, изучит долину в направлении Баграм – пригодится, а главное – «подыграет» в эфире любопытству «духов». У нас в Сибири есть выражение – «сбить с панталыку»!

– Угу, угу... Не накручиваешь, Валера?

– Ещё нет, товарищ майор, – напрягся я, понимая, куда клонит начальник, – разрешите продолжить?

– Давай, только без этих... Понимаешь?

– Так точно! Слушая эфир, «духи» придут к выводу о якобы нашем интересе к их северному направлению – кишлакам, от которых рукой подать до гор. А на самом деле нас там не будет!

– Зачем всё это тогда?

– Чтобы гарантировать чистоту входа в задание!

– Выкладывай!

Я оживился.

– В 19.00 на машине с Тютвиным и его связистами проскочу к складу ГСМ, – ткнул карандашом в карту. – В это время ещё катаются «коробочки» охраны аэродрома и «зелёных». Аккуратно «впишемся» под одну из них и выйдем на рубеж спешивания с ходу. Спешимся. Николай выдвинется к вершине Ходжа-Раваш – на подъёме его подстрахую, сам же с группой перевалю хребет и спущусь с обратного ската к кишлаку Паймунар. Если всё будет в порядке, броском у основания хребта выйдем к Тарахейль за Чёрной горой – в тыл кишлачного массива, откуда «духи» нас точно не ждут... Безопасность группы обеспечена «крюком» в семнадцать километров, а это, товарищ майор, половина успеха!

– А если...

– Если на спуске «вляпаемся» «духовской» разведке, вот здесь, – отчеркнул карандашом на карте, – сделаю контрзасаду. Положим «духов» и вернёмся. Будем искать другие пути...

– М-да-а-а, хитро...

– Неплохо бы ещё одной группой «подработать» иллюзию движения на север, – загорелся я, как показалось, поддержкой начальника, – но сил не хватает, поэтому прошу утвердить вариант этого решения.

– Хм, утвердить... Утвердить... Давайте думать...

Сомнения начальника объяснимы. Увеличивалось плечо вхождения в задание, и в душманском «рассаднике» мы оказывались без прикрытия, в том числе – боевым охранением. И это, пожалуй, ещё не всё! У крайней точки паймунарского хребта связи с группой вообще не будет, если даже Тютвин и сработает ретранслятором. «Мёртвая» зона для радиостанций УКВ-диапазона.

– Товарищ майор, – осторожно «вклинился» я в «думы» начальника, – лишний «крюк» в семнадцать километров для нас ерунда. И вы это знаете! В лесах Белоруссии и по девятистам километрам отмахивали за сутки. Создаётся «подушка» безопасности при входе в задание – вот суть замысла, а там разберёмся!

– Опять ночь не спать, чёрт бы тебя побрал, Валера! Честно скажу, твоя затея не нравится, – прокашлявшись, заключил начальник, – «проваливаешься» в «духовских» тылах. А ну – обложат? Где гарантии успешного выхода? А? Ваши мнения, товарищи офицеры?

«М-да-а-а, – вздохнул я про себя, – доклад не окончен...»

Сомнения гвардии майора Скрынникова объяснялись сложной обстановкой вообще. Живучесть разведывательной группы подвергалась риску на всём этапе выполнения задания, и начальник хотел убедиться в разумности доводов в решении на поиск. Ему они показались неубедительными по форме или содержанию – не знаю, но мне очень не хотелось повторяться в маршруте выхода в район боевой задачи. А если всё-таки «засветились»? Прихлопнут же! Хотя... Опять же... В случае непредвиденной встречи с противником охранение подстраховало бы огнём боевых машин, а так? Безопасность группы обеспечивалась исключительно собственными силами, смекалкой и выносливостью разведчиков!

– Выход в тыл противника из-за хребта, товарищ майор, – неожиданное решение, но нужное!

– Да уж, убедил... А маршруты отхода? Прикрытие? Страховка? А эта «штуковина» ни о чём не говорит? – Скрынников указал на карте расщелину между хребтами.

– Эта?

– Эта! Не строй из себя дурака!

– Никак нет, товарищ майор! «Штуковину» проскочим до того, как «духи» устроят погоню. Това-а-а-рищ майор, оторвёмся от них! Вы же знаете моих «рэксов»! Равных нам в долине нет, а лучший выход из задачи – броском у хребта к боевому охранению.

– Почему?

– Долина – открытая площадка. Ночью в метель ничего не видно, и встретиться с противником лоб в лоб – легко! Повезёт тому, кто окажется резче... Можно и от обратного!

– «Сыграют» на перехват?

– Могут, товарищ майор, разнос по площади источников света большой, значит, и дислокация отрядов мятежников обширна.

– Что ещё? Врёшь же, что-то скрываешь? – прищурился начальник.

Терять было нечего.

– Там и «срублю» «языка», товарищ майор, – скромно зафиксировал я «гениальную» мысль своих рассуждений.

– В кишлаке?! «Языка»? – вскричал Скрынников, вскакивая из-за стола.

– Так точно! – гаркнул я по-ефрейторски, «поедая» глазами начальство.

Майор Скрынников метнулся к бочонку с водой:

– Лезть в кишлак, Марченко, запрещаю! Ясно?

– Так точно, товарищ майор! Вы не так поняли!

– Что – «не так понял»?

– При «вскрытии» кишлака работаю на захват «языка» за пределами внешних дувалов.

– Вне дувалов, говоришь? – остывая, заключил начальник.

– Так точно!

Михаил Фёдорович присел.

– А то – кишлак! Хэк! «Король паркета»! Смотри мне!.. Пойми, чудака-голова, агентура подтверждает усиление «духов» в населённых пунктах, прилегающих к Кабулу. Не исключено, что Тарахейль – перевалочный пункт, сунуться в который значит подвергнуться смертельному риску.

– Товарищ майор, я похож на авантюриста?

– Похож, похож! – быстро среагировал начальник, отмахнувшись от меня.

– В драку с «духами» не полезу – всё исследую вокруг да около, посмотрю, «понюхаю» кишлак и – назад.

– Верно, район не изучен, и данные агентуры беспокоят.

Михаил Фёдорович ещё ни раз «взрывался», переходя на высокие нотки: не соглашался с Комаром, Перепечиным, Чернегой, предлагавшими варианты захвата «языка» – спорили, настаивали! Шла творческая работа по выполнению боевого задания.

– Товарищ майор, понятно, что глубокой разведкой «вскрывать» душманский район рановато! Обещаю дров не ломать и к рассвету вернуться.

Скрынников опять вскочил, махая руками:

– Забудь о глубокой разведке и не лезь в кишлак! Твоя задача – захват связника во внешнем поясе населённых пунктов, дальше соваться запрещаю! Авантюрист! Чистой воды авантюрист, язви тебя! – выпалил в сердцах Михаил Фёдорович, вытирая пот солдатским платком.

В конечном итоге решили: ночью я отработаю северную окраину кишлака Тарахейль и частично вникну в обстановку по его периметру – других предложений не поступило.

– Взвесь возможности группы, Валера, шансы на живучесть, я буду на связи, нарвёшься на «духов» – «вали» открытым текстом. Понял?

– Так точно!

– Смотри у меня! – Скрынников показал кулак.

– Есть, товарищ майор, – я вытянулся в струнку, «пожирая» начальство глазами, – разрешите идти?

Безнадёжно отмахнувшись, Михаил Фёдорович вздохнул:

– Иди!

«Фу, легче к “духам” сходить и живым вернуться!»

Глава 7

Личная подготовка к выходу заняла немного времени. В специальный карман десантной куртки сунул пристёгнутый к стропе пистолет, подтянул ремень АКМС 7,62 мм с ПБС – прибором бесшумной беспламенной стрельбы, поправил «разгрузку» или «лифчик» на шесть магазинов, штык-нож от АК, ракеты, гранаты, промедол. Надел РД (рюкзак десантный) с дополнительным боекомплектom в шестьсот патронов, сухим пайком, водой, медицинской аптечкой, парой сухих портянок. Попрыгал. Не гремит. Вышел к разведчикам. Наступали сумерки.

– Товарищ гвардии лейтенант, разведгруппа для выполнения боевой задачи построена. Заместитель командира группы гвардии сержант Сафаров.

– Вольно.

Всмотревшись в лица парней, улыбнулся. Вот они, мои «орлы»: Сергей Сафаров, Андрей Ивонин, Владимир Сокуров, Игорь Нищенко, Геннадий Баравков, Александр Архипов, Александр Фетисов, Михаил Гапоненко, Вячеслав Ксендииков... В строю застыли воины с жёсткими и полными решимости взглядами! На базе остались их имена, документы, письма родных, любимых – всё, что имело отношение к разведке. В тыл противника уходили тени!

– Людей в кузов, Сергей!

– «Исюминка» в следующем, Николай, – объяснил я подошедшему командиру взвода связи. – Паймунарские «духи», перехватывая наши частоты, обязательно сделают выводы, что русские ведут радиообмен в их собственном тылу. Кинутся в поиск. Будут искать мою группу, морщить «духовские» лбы и пока, наконец, разберутся, что нас и в помине нет на их территории, я буду далеко. К полуночи перемахну хребет и выйду к северной окраине Тарахейль. Понимаешь?

– Ясно, Валера. Включения в эфир?

– Включайся каждые тридцать-сорок минут и выдавай какие-нибудь цифры.

– Надолго?

– Нет. «Побурбулекай» пару минут – и тишина, затем опять.

– Та-ак, понял.

– Сигналы следующие: нажатие тангенты один раз – всё в порядке, два раза – возвращаюсь на базу, три – срочная помощь. Ну, как?

– Понятно, Валер.

– На Ходжа-Раваш всходи аккуратно – снизу прикрою, идём с тобой параллельными маршрутами, правда, группу я веду восточней перевала. Ориентируйся следующим образом: пройдёшь половину подъёма, я буду уже на гребне хребта – у меня меньше перепад высот. Выйдешь на вершину, я спущусь вниз к обратному скату хребта, а дальше – по сценарию.

– Возвращаемся как?

– Серия тангентой – снимайся и вниз, только не расслабляйся, Коля.

– Понял.

– Давай в кузов.

Минут через сорок езды на ГАЗ-66 у кромки аэродрома и выхода за его границы в предгорье я подал команду:

– Приготовиться к десантированию.

Откинув тент, разведчики встали вдоль бортов кузова.

– Оружием не греметь, лбы не расшибать!

Сигнал. Прыжок из машины, кувырок в снежной пороше, и группа, ошестинившись стволами, готова была отразить нападение. Гул машины стих. Слушая тишину, разведчики адаптировались к фону. Пора.

– Внимание, Коля! Маршрут на вершину сообразуй с её контуром на фоне неба – видишь?

– Угу!

– Удачи. И не теряй сознания! Завтра банька, попаримся!

– Да как-то неуютно, Валер!

– Ничего, Коля, это в первый раз! Мы всё равно победим!

– Ну, давай.

Тютвин со связистами слился с горной грядой.

Глубокий вдох-выдох.

– Ивонин, направление движения – пять градусов по компасу – груда камней! Наблюдаешь?

– «Схватил», – кивнул старший головного дозора.

– За линией водораздела оцени обратный скат хребта. Спуск восточней кишлака.

– Ясно.

– Работаем.

Наш хребет не похож на Чёрную гору. Высота его над уровнем моря – около двух тысяч метров – меньше, и угол подъёма не очень крутой. Преодолеем без труда, но есть момент – «духовская» разведка, наблюдавшая за аэродромом и военным городком дивизии. Не дай Бог, наши маршруты пересекутся в каменных глыбах! Возникнет бой в невыгодных для нас условиях, поэтому, страхуясь, движение группы вверх отслеживал в прибор ночного видения.

Скользнул прицелом по разведчикам Нищенко, прикрывшим группу с тыла – в порядке. Парни держали дистанцию, шли двумя стволами вправо, двумя – влево, командир замыкал движение.

Размышления о задании незаметно вывели к линии водораздела хребта. Дозор исследовал обратный скат, прикидывая спуск в долину, «схватывал» ориентиры движения вниз, чтобы не сбиться с пути. Сигнал – залегли, наблюдение. Перевели дыхание, оценили обстановку.

– Товарищ лейтенант, смотрите, пойдёт?

Ивонин указал направление спуска к Паймунару, южная окраина которого упёрлась в основание гряды.

– Пойдёт. Не прижимайся к окраине – ветер на нас, собаки не почуют запах. Контролируй ярусы хребта.

– Есть.

Внизу обширная долина с разбросанными кишлаками и оврагами, контурами цепочек хребтов, виноградниками, занявшими изрезанные арыками поля, сетью ирригационных систем. Угодья кишлака Паймунар, у окраины которого окажемся минут через сорок.

Следующий выход к кишлаку Паймунар мы осуществим в составе разведгруппы 8 марта 1980 года. На западной его окраине попадём в жестокую и коварную засаду противника. Примем бой в невыгодных для нас условиях, выдержим его, введем душманов в заблуждение и, благодаря мастерству и взаимовыручке, оторвёмся от противника и выйдем к базовому лагерю. Но это будет в следующий выход...

А пока, изучив направление спуска к мирному с виду кишлаку, подал команду:

– Вперед.

Опасаясь встречи с визуальной разведкой противника, группу вниз направил по условной диагонали, что обеспечило более широкий контроль пространства. Чем ниже спускались к подножью хребта, тем сильнее ощущался кислый запах животных, пронзительный крик ишаков. Наступал важный момент первой части задания, «изюминка» – резкий бросок вдоль подошвы обратного ската хребта в восточном направлении. Если «духи» всё же, обнаружив группу, «вели» нас до низины, чтобы на открытом пятачке зажать и уничтожить, мы неожиданно для них исчезали именно здесь – у кишлака Паймунар.

Противнику «подбрасывалась» ещё одна иллюзия, якобы нашего движения на север – в глубину его территории. Мы же, слившись с местностью у населённого пункта, броском уйдём не в северном направлении, как подсказывала логика, а в восточном – к Тарахейль. К цели нашего задания! «Духам» потребуется время, чтобы разобраться, куда девалась русская группа. И пока они будут разбираться, мы оторвёмся от них. Выйдем в тыл тарахейльским «духам». Паймунарские нам сегодня не нужны!

Тютвин, скорее всего, включился в работу, посылая в эфир мифические «радиограммы», перехватывая которые «духи» дурели от лёгкой наживки. Ключен на неё – хорошо, а нет? Роли не играло! Группу к объекту наших интересов я вёл энергичным броском. Пусть догонят! Нам не было равных в беге по лесам Белоруссии, не будет и в «духовской» долине!

Сигнал «Стоять». Залегли в готовности к бою. Осмотрел ночным прицелом обращённый на север хребет, убедившись, что «духи» не пристроились следом, изучил движение подгруппы Нищенко, вершину Тютвина. Ничего особенного – вперёд.

– Обороты, Ивонин!

– Есть. Слава, внимание – на подножье хребта.

– Понял, Андрей, – шепнул Ксендинов.

Всё дальше и дальше уходили на восток. Головной дозор не сбавлял темпа движения, «пробивал» маршрут, выигрывая время на выполнение основной части задания! Скорость, ещё раз – скорость... Время? Нормально. Минут через тридцать втянемся в зону отсутствия связи. Прямую видимость с вершиной, где сидел Николай, закроет горный отрог. Преодоление «мёртвой» зоны займёт около часа – момент, когда встреча с противником исключалась в принципе.

Около двух часов разведгруппа бежала по заснеженной местности, матерясь отборнейшим матом в душе. Усталость бросала на снег, пересохшее горло саднило хрипом, обжигавшим трахею, но вперёд, только вперёд! Держаться...

Сигнал «Внимание»! Упали, остужая снегом раскалённые лица.

– Собачий лай, – шепнул Андрей.

В зелёном фоне ночного прицела виден внешний дувал кишлака. Добрались? Уточним. Да, ребята, Тарахейль перед нами.

– Андрей, метров двести вперёд, изучи окраину с входом в кишлак и – назад.

– Понял.

Ивонин вернулся возбуждённым.

– Кишлак не спит, товарищ лейтенант, собаки...

– Ого... Не спит, говоришь? Первый час ночи... Правовверные спят в это время... Значит, не все почивают? Какие соображения?

– Может, «духи» пришли на ночёвку?

– Ага, по увольнительной.

– А, что, товарищ лейтенант? В горах не душно.

– Тише, а то сделают жарко.

Сигналом подтянул заместителя.

– Что скажешь, Сергей?

Сафаров – таджик по национальности, свободно владел местным наречием, хорошо знал жизнь мусульман сельской местности.

– Люди должны спать, товарищ лейтенант. В кишлаке шевеление, топот копыт – чужие. Слышите?

– Угу, тянет дымком.

– Шиш-кебаб готовят из барашка и кабли-пилав...

– Не дразни, Сафаров, слюной поперхнусь... Смотри лучше...

В прицел различались глиняные стенки, плоские крыши строений, однако больше зацепится не за что. Подойти ближе, изучить обстановку в кишлаке? Опасно, чёрт побери, «колотун» – аж скулы свело.

– Ивонин?

– Я, товарищ лейтенант.

– С Ксендиковым – обеспечение нашего выхода из кишлака.

– Понял!

– Внимаешь, Сергей? – повернулся к Сафарову.

– Берём, товарищ лейтенант?

– Берём! Уверен, что в кишлаке посторонние?

– Уверен!

– Это боевики! Работаем тихо! Влезем в драку? Обложат, как волков, и к охранению из долины не выпустят!

– Сработаем, товарищ лейтенант! Помните под Витебском на разведвыходе?..

– Тише. Что это?

В морозной ночи слышен скрип открываемой двери, топот копыт животных.

– Ишаки, товарищ лейтенант. Три-четыре, – шепнул Сафаров.

«Эх, да простит меня Михаил Фёдорович! Надо в кишлак! Когда ещё повезёт? Рискну».

– К дувалу, Сергей! На «цыпочках» в кишлак: с Геной крадётся по левой стороне улочки, я – по правой. Ваша задача – «язык», прикрою. Ясно?

– Угу.

– Если «светимся», резко назад! Ивонин с Ксендиковым прикроют выход, Нищенко обеспечит отход до Чёрной горы. Яволь?

– Яволь.

– Вперёд.

– За мной, Гена.

Пригнувшись, Сафаров и Баравков скользнули к дувалу. Сунуться в кишлак вслепую – всё равно, что отдаться собакам на съедение. До боевого охранения семь километров заснеженной долины... Выдержим ли? Не забудут, как мамонтов? Работаем чистенько – «без шума и пыли». Что у нас с ретранслятором?

– Включись-ка, Кибиткин.

В наушнике гарнитуры Есаулков, связист Тютвина, монотонным голосом выдавал:

– 32241, 14552, 64528...

В эфир летели пятизначные цифры, создавая иллюзию активной работы «шурави» на территории паймунарских «духов».

Дождавшись конца передачи, нажал тангенту – есть! Есаулков принял! Ответный щелчок! Условной цифрой по радиостанции Тютвин передаст начальнику разведки дивизии – у Марченко в порядке.

– Товарищ лейтенант, – Ивонин коснулся плеча.

Схватил «ночничок». Над плоской крышей строения с башней кубической формы «брызнули» искры, видны колебания тени. Цокот копыт, деревянный скрип не оставляли сомнений – кишлак оживал. Похоже, действительно, «духи», спустившись с гор, расходились по жилищам.

Напряжение достигло предела.

– Со мной Сафаров, Баравков – захват «языка». Сокуров, Фетисов – прикрытие захвата. Ты, Андрей, остаёшься старшим – подработаешь нам выход из кишлака.

– А что если подтянемся ближе, товарищ лейтенант?

– Опасно. Ваша позиция в ста метрах от окраины – сойдет. Глубоко не полезем...

– Понял.

– Нищенко, в случае боя уходишь последним – никого не оставить, вынести! Отвечаешь лично!

– Есть.

– Кибиткин, остаёшься с Ивоным, через каждые полчаса – сигнал «Нормально». Вопросы?

– Никак нет.

Наступил момент истины, когда на алтарь судьбы легли успех задания и жизни тринадцати человек. Отличное число!

– Вперёд, Сергей!

Плавными перебежками пошли на кишлак. Открылось второе, третье дыхание, кураж – адреналин, скажу я вам, рвался через край!

Вышли к дувалу, залегли, вслушиваясь в звуки, исходившие из лабиринта строений. Глиняная стенка, жерди, затхлость... Но заброшенность была обманчива: запахи животных, дыма, звук копыт по замёрзшей земле. Кишлак погрузился в тайную жизнь. Посмотрим.

Проход между глиняных стенок напоминал узкую улочку. Посредине – ледок застывшего русла сточных вод и отходов с запахом, едва не вывернувшим душу. Оглянулся. Разведчики, оставшиеся с Ивоным, скрыты в снежном покрове.

– Сокуров, не упускайте тыл, – шепнул старшему разведчику по кличке «Зигфрид».

– Есть.

– Сергей, всё внимание – вперёд! Страхую на захвате. Объект вырубаете и – на землю! Остальных валю из ПБС.

– Угу.

– Пошли.

Прислонившись к глиняной стенке, ступили на пропахшую заразой улочку – никого. Присели, слушая ночь: таякали собаки, орал ишак или осёл – трудно сказать. Стук о дерево! Переглянулись. Что это? Лоб покрылся испариной... Кивнул – вперёд. Жуткая вещь – душманская ночь!

Вскинул руку. Стоп! Упали под обшарпанные и полуобвалившиеся дувалы. Слышались звук копыт, говор, причём – за стенкой, скрывшей разведчиков подгруппы захвата. Метров через двадцать обнаружили мощные двери из деревянной породы – за ними угадывались люди, животные. Стой.

– Послушай, о чём говорят, Сергей.

Заместитель подполз к двери.

– Говорят о Кабуле, – шепнул Сергей, – ...собираются в город... много оружия... упоминают «бисьёр туфанча» – разобрал. Только что спустились с гор, говорят, зимой плохо, холодно... «забистан», «харбан»... мало еды... ждут весну, сезон дождей... «бахор», «бара»... лучше в горах... Товарищ лейтенант, говорят «дарваза» – дверь, выходят.

– Захват.

Откинувшись на спину, изготовился к бою. Гена с Сергеем сжались у массивной двери, которую, гремя засовами с цепью, открывали душманы. Появившийся в проёме боевик с АК на плече стволом вверх вряд ли понял, что с ним произошло в следующую секунду. Дернув на себя «духа», мастер спорта СССР по дзюдо и самбо Сафаров парализовал удушающим захватом его способность к сопротивлению.

Шедшие следом мятежники сделали по инерции шаг, два... Навстречу смерти... С положения лежа на спине я стрелял в каждую цель в отдельности – осели. Во двор. Никого. Выстрелы из ПБС вряд ли слышны на фоне звуков ночного кишлака. «Прошёлся» по одежде убитых – пусто. Закинув за спину душманские АК китайского производства, рванул за группой захвата, тащившей «языка».

– Контролируйте отход! – шепнул Сокурову, пробегая мимо.

Проскочив последние жилища, бегом – в открытую долину – кишлак остался сзади. Выпустили? Шансы на живучесть увеличились! Стрельбы и криков не слышно, но «духи» вот-вот обнаружат убитых и устроят перехват у Чёрной горы – в узком ущелье на стыке хребтов.

– Осторожней, не задавите «душка».

– Что вы! – хохотнул Баравков. – Ловко вы их положили, товарищ лейтенант.

– Не ловчее, Гена, чем вы с Сергеем выхватили душмана. Молодцы.

Вышли к подгруппе Ивонина:

– Уходим к ущелью, Андрей, в дефиле не соваться, держать под контролем!

– Понял, товарищ лейтенант.

От кишлака ушли метров семьсот, может, больше. Тишина.

– Игорь, прикроешь отход до охранения! Если «духи» устроят перехват, связываешь боем и уходишь за нами.

– Понял.

Бег по снежному полю – испытание адом! Душманские АК мешали бежать, стесняя дыхание.

Держим бросок! Сколько до ущелья? Минут тридцать? Сорок? Загоним себя!

Слева виднелись очертанья Чёрной горы, правее – хребет Паймунара. Большую часть долины прошли без помех, осталось пройти расщелину перед боевым охранением.

– Привал.

С разбегу упали на снег, хватая искусанными губами жёсткие кусочки наста. До дефиле немного – успеем ли его проскочить до того, как «духи» закроют проход?

– Сергей, усильте с Геной Ивонина, скоро ущелье...

– Есть, товарищ лейтенант.

Разжёвывая комочки колючего снега, разведчики приходили в себя от невероятной нагрузки. «Спокойно, – стучало в голове, – спокойно, Валера, прорвёмся», но сообщить командиру боевого охранения о том, что разведка дивизии рвётся к его заставе, ещё рано. От объекта захвата ушли, но связь-то у противника есть, значит, возможность засады оставалась реальной опасностью.

– Кибиткин, сигнал «Нормально» дублируй три раза.

– Понял, – прохрипел связист.

– Держись, дружище, осталось немного. Всем – круговое наблюдение!

Снегом остудил лицо. Пот, зараза, выедал глаза, за пазухой – хоть выжимай. «Это не Боровуха, чёрт побери», – мелькнула наивная мысль. Однако что с нашим «душком»?

Встал и подошёл к схваченному пленному. Гапоненко, лежа на снегу, держал его за лунгу – чалму, которой были замотаны руки.

– Не задави, пакуй как надо.

– Да он хлипкий, товарищ лейтенант.

– Не бурчи, Миша, делай, как надо.

Разведчик спеленал пленного вонючей грязной чалмой. На шею накиннул петлю-удавку, свободным концом подтянул к затылку связанные за спиной руки.

Пленный был старше средних лет. Далеко не юноша. Он явно испытывал боль, которую ему причинили два мастера спорта по вольной борьбе. Миша верно подметил – хлипок, но лишь бы не отдал концы раньше времени...

– Сколько осталось, товарищ лейтенант?

– Немного, Прокопенко, держись! Проскочим ущелье и – дома!

– Это ж километров шесть? Ага?

– Не больше. Подъём. Уходим к подножью гряды, слышишь меня, Ивонин?

Ефрейтор смотрел в другую сторону...

– Товарищ лейтенант...

Я уже видел мигание фонарика на Чёрной горе. Мерцающие блики, пронзая ночную темень, летели в пространство: серия сигналов на передачу – пауза и обратно – приём информации корреспондента.

– По нашу душу сигналият, товарищ лейтенант, не иначе...

– Прицел!

Передача информации из кишлачного массива к Чёрной горе, вне сомнения, результат захвата «языка» и принятие противником мер к перехвату группы до выхода к боевому охранению. Скорее всего, в кишлаке обнаружили убитых. Пора по-настоящему уносить ноги.

– В тылу порядок, товарищ лейтенант, – доложил старший дозора.

– Хорошо, Андрей! Засада очевидна как никогда! Проскочим ущелье? – Хорошо! Не успеем? – «Духи» закроют его, и хреново придётся. Ясно?

– Ясно!

– Ладно, ещё повоюем! Вперёд!

Изнуряющий бег продолжался, кажется, целую вечность, обжигая лёгкие хриплым дыханием. Утопающие в снегу ноги заплетались.

– Подменить, Миша?

– Ещё подержусь, – выдохнул разведчик.

– Но резче, Миша, резче, ущелье уже видно...

Пот заливал глаза. Горсть снега в лицо и – бегом, бегом, бегом...

– Три минуты привал.

Упали. Оглянулся на Нищенко, прикрывшего с Ивановым и Орловым тыл, – парни держались.

Вспомнился разговор душманов, рассуждавших об оружии, не иначе готовили в Кабул. Затеяли что-то. Нашего «духа» – кровь из носа надо донести до штаба дивизии живым – ему есть чем поделиться с нами. Однако пора.

– Вперёд!

Встали и побежали к расщелине на стыке хребтов – ключ к жизни и смерти разведывательной группы. На фоне снежной долины паймунарская гряда виднелась сказочным чудовищем. Её оконечность, примыкая к Чёрной горе, и образовала узкий проход к боевому охранению. Преодолеем его без помех – через час обнимем десантников заставы, нет – сложим головы в «огневом мешке».

Не пройдёт и месяца, как 29 февраля 1980 года, в первой Кунарской операции под Барикотом мятежная часть особого назначения горных стрелков афганской армии осуществит вариант засады «огневого мешка» в отношении усиленного 3-го парашютно-десантного батальона 317-го полка. В жестоком бою погибнет 35 десантников и столько же получают ранения. Этим батальоном мне посчастливится командовать через семь лет в моём «втором» Афганистане...

Опасность достигла предела! Принял решение вывести группу к скальной основе гряды, где, укрывшись в её тени, незамеченными выйти к ущелью. Пропустив разведчиков, тащивших пленного, подтолкнул «духа» стволом автомата. Ослабили ребята. Падали в снег, вставали, но шли вперёд, «заплетаясь» ногами.

– Смените парней, Сафаров.

Сергей с Геной опять подхватили душмана.

– Слушайте оба! Если вяжемся в бой, к боевому охранению выходите самостоятельно, отход обеспечим, но «духа», Сергей, сберечь!

– Ясно, товарищ лейтенант.

– А где у него обувь?

Показалось, что душман «чешет» по снегу без обуви. Нет, в сандалиях. М-да, в шлёпках воевать – извините меня! Впрочем, ноги его не нужны, а вот голову сберечь обязаны.

У подошвы гряды огляделся. Если «духи» вышли к Чёрной горе, «оседлав» проход, лучшего места для засады не придумать! Расщелина вызывала тревогу.

Вот и горловина прохода между хребтами. Тишина. Корочка наста скрипела под ногами, высвечиваясь синеватым блеском от кое-где видневшихся звёзд. Морозно. Слипались ресницы.

– Как, Кибиткин?

– В порядке, товарищ лейтенант.

– Держись, парень, – привал.

Упали. Группа захвата с пленным лежала, восстанавливая хриплое дыхание. Уткнувшись головой в снег, Баравков держал конец чалмы, которым был связан душман. «Язык», казалось, не подавал признаков жизни – нет, грудь поднималась от дыхания легких.

– Что перед ущельем, Андрей? Пройдись «ночником» по склону, который фронтом к нам, не очень нравится, для засады – «сказка»!

Ивонин осмотрел расщелину.

– Вроде нормально, товарищ лейтенант.

– Что, значит – «вроде»? Отчищают головы! «Вроде»! Смотри внимательней!

Изучив дефиле, Ивонин исправился:

– В порядке, товарищ лейтенант!

– Другое дело! У нас сегодня бенефис – понимать надо! Вперёд!

Опасность исходила от склонов хребтов. Если «духи» вышли на них, позволят войти в ущелье и обрушат огонь с нескольких направлений и ярусов сразу. Группа окажется в «огневом мешке» и конец – однозначный.

Тешился мыслью, не скрою, о том, что душманы не могли выйти быстрее нас и заблокировать ущелье. Не могли – и всё тут! Иллюминация, устроенная на Чёрной горе, безусловно, связана с нашим появлением в кишлаке. И сигнал на перехват группы адресовался или заранее подготовленной засаде, или имел иное значение. Противник физически не мог сыграть на опережение! Мы проскользнули в его тылы из-за паймунарского хребта за пятнадцать километров отсюда! Таким образом, у таракхейльских «духов» нет оснований считать, что «шурави», проникнув ночью в базовый кишлак, совершили дерзкий налёт и возвращались через узкие «ворота».

Тогда заблаговременная засада? – Хороший вариант... Но минус в том, что сейчас 15–18 градусов мороза. А это убедительный аргумент... Такой холод душманы не выдержат в горах в долгом ожидании группы. Менялись? – Могли. Но тогда их надо обнаружить раньше, чем это делают они!

Ещё разок «прошёлся» ночным прицелом по склонам хребтов: камни, скалы, выработки, выемки, присыпанные снегом, – зацепиться не за что. Неужели чисто и работаем с опережением?

– Ивонин, с тобой – Ксендинов, Прокопенко, Яруков. Выдвигаетесь по левому краю ущелья. Не спускай глаз с обратного ската хребта! Ясно?

– Так точно.

– Главное – первыми увидеть «духов» и отсечь от группы шквалом огня! Как учили!

– Понял!

– Не получится – ныряешь под «козырёк». Свяжешь засаду боем. Сафаров, Пальцев, Гапоненко страхуют с правой стороны ущелья. Меня слышат?

– Так точно! – шепнул заместитель.

– Вам удобней вести огонь с правого плеча. Замысел ясен?

– Ясен, товарищ лейтенант.

– В бой не втягиваться – двигаться, отвлекать, пробиваться вперёд! На выходе жесткая оборона – поможете нам покинуть «гадюшник». Тылы прикроем!

- Ясно.
- За «духа», Гена, отвечаешь головой.
- Есть.
- Собраться на крайний бросок. Осталось немного! Никто, кроме нас!
- Никто, товарищ лейтенант!
- Вперёд, ребята.

Разведчики двинулись к ущелью. Скорее, это была глубокая расщелина метров двести длиной, соединившая две широкие равнины. С той стороны, в четырёх километрах отсюда, – наше боевое охранение. Точка выхода из тыла мятежников.

- Нищенко?
- Слушаю, товарищ лейтенант.
- Стволы подгруппы – на склоны хребтов!
- Понял.

Разведчики Ивонина, втянувшись под козырёк левой гряды, распластались, ожидая подгруппу Сафарова. Отлично! Чувствуя схему преодоления опасного участка, Андрей понимал, что вперёд вырываться нельзя – останется без прикрытия. Сейчас, как никогда, важен синхронный выход обеих подгрупп для решительного броска. Получилось. Сафаров вышел на исходный рубеж, высматривая «растяжки» мин или гранат.

- Игорь, ближе.
- Слушаю.
- Замыкаешь группу и держишь тыл. Если что?.. – Никого не оставить! Понял?
- Понял, товарищ лейтенант.

Наступила кульминация – есть засада или нет? Пять минут – тишина, семь – тишина... Сейчас, сейчас... Прикрыл глаза... Сейчас... Вечность прошла... Тишина...

Приложился к прицелу. Скаты хребтов, высвечиваясь зелёным фоном преобразователя, не вызвали подозрений. «Ну, что ж, вперёд!» – и пополз через заметённую снегом грудку камней.

Какие-нибудь триста метров отделяли от долины перед боевым охранением. Прижавшись плечом к скале, осторожно вошёл в расщелину, не спуская глаз со склона хребта, вдоль которого прошли разведчики Ивонина. Оглянулся – Баравков тащил «языка», стараясь не споткнуться о камни. Присел, высматривая подозрительные места в припорошенных снегом зарядом скалах. Ущелье расширялось «раструбом», за ним – площадка, на которой разведчики Ивонина и Сафарова, заняв позиции, прикрыли выход группы в снежное поле. Вышли?

Плато встретило позёмкой. Ни секунды остановки! Вперёд, к боевому охранению! Громады хребтов исчезали за спинами, теряясь в пелене наступающего утра. Выбиваясь из сил, падали, вставали, опять падали, но упорно шли к своим, преодолевая последние сотни метров перед боевым охранением.

- Включайся, Кибиткин!

Включив радиостанцию, связист протянул гарнитуру:

– «Гора», я «03», прими «111», прими «111». Слышу! Передай «101-му» – обеспечить выход в «хозяйство» и получи подтверждение.

- Принял, «03», принял, – ответил связист Тютвина.

Как легко и свободно! «Вышли! Не легли под пулями “духов”! Значит, можем!» – подумалось в ожидании ответа Николая.

- «03», «03», я «Гора», «101-й» принял. Встречает! До встречи!

- Рад слышать, «Гора», пока, – не сдержал хлеставшие эмоции.

Вернулись!

- «База», я «03», вышел к «101-му». Задачу выполнил. Жду «коробочку», приём...

Глава 8

Подбежал начальник заставы.

– Валер, ребят напоим чаем, покормим.

– Спасибо, Сань. Сафаров, парней в землянку, а «духа» – на КП командира.

– Есть.

Хотелось самому взглянуть на результат адского труда, ради которого было затрачено столько сил, энергии, здоровья, нервов.

– Идем ко мне, – взял под руку Александр, – там разберемся.

Ног своих я не чувствовал, не слушались и подгибались. Опираясь на стенки траншеи, я шел за Александром в его «апартаменты», бухнувшись на табурет, вытянул онемевшие ноги. Неужели закончилась дикая гонка по снегу и можно прикрыть глаза? Усталость сковала тело, «вырубала» со стула.

– Валер, не упади, сейчас сообразим.

– Сοοобразим?

– А то!

Перед глазами стоял кишлак, снег, звук «бесшумника» с короткими «бзык» три раза и «духи», осевшие на землю. Шедший последним душман, возможно, увидел опасность и сделал движение к оружию. Не успел, проваливаясь вперед, на АК. Сходу не удалось вытащить ствол, так и остался он с хозяином в полете открывшейся двери. Первые «духи» ничего не поняли – все развивалось стремительно...

Зашел солдат с паяльной лампой, гудевшей синим пламенем и приспособлением, на котором разогревалась пища, затем Сафаров с пленным.

– Распеленай его, Сергей.

Заместитель размотал чалму, которой спеленали душмана, усадил его на глиняный пол. Затекавшие руки душмана повисли плетями.

– Присаживайся, Сергей, на скамейку.

Пленный, раскачиваясь, забормотал что-то невнятное.

– Что он лопочет?

– Молится, думает, что убьют.

– А что, хорошая мысль, так и скажи ему, будет молчать, прибьем и выбросим на помойку собакам, – сказал вошедший Александр.

– Ладно, спроси, как зовут, и попробуй «разговорить».

Сафаров перевел. Пленный оставил его без внимания, продолжая разговаривать с Аллахом.

– Может, лампой «пройдемся» по «духу»? – не унимался Александр.

– Не надо, товарищ старший лейтенант, – вмешался Сафаров, – он считает себя великомучеником и готовится к смерти, чтобы оказаться в раю. Физическое воздействие еще больше убедит его в этом, и мы от него ничего не добьемся.

– Во, бля... Ну, говори с «земляком».

Сафаров знает психологию мусульманина, подождет, не убудет. Вскоре пленный притих, огляделся, и я бы не сказал, чтобы он был чем-то напуган, взгляд, напротив, выражал достойное спокойствие.

– Сергей.

Сафаров заговорил с пленным душманом. «Борец за веру», согрешившись молитвой или уютом землянки, отвечал не торопясь, взвешенно, пытаясь жестиковать руками, покрытыми коростой.

– Он дехканин, товарищ лейтенант, живет в кишлаке, где схватили его.

– Ясно, спроси про оружие и когда он спустился с гор?

Сергей перевел, пленный пространно что-то объяснял: «куаст», «забистан» (горы, зима) и говорил бы еще долго, но Сафаров остановил.

– Короче так, товарищ лейтенант, в горах отряд около тридцати человек, все с оружием. В пещерах плохо – холодно, зима, мало еды, больные. Их командир сказал моджахедам, что скоро они в Кабуле выступят против русских и Кармаля. Отряд, спустившись с гор, сосредоточился в кишлаке, а сегодня днем под видом мирных жителей им приказано просочиться в Кабул. Оружие они спрятали в арбах под тюки с хозяйственным грузом. В городе их встретят.

– Спроси, кто те двое, что были с ним?

Сафаров перевел. Пленный ответил и замолчал.

– Ну что?

– Говорит, что они из одного отряда, готовили выючных животных для поездки в Кабул.

Утром собирались выехать.

– Сколько единиц оружия подготовили к переброске?

Сафаров перевел.

– 12 автоматов, два гранатомета, много патронов.

– Где планировали въехать в город?

– Здесь, – был ответ.

– Где – здесь?

– Возле заставы «шурави» безопасней.

– Почему?

– «Шурави» не досматривают машины, груженные повозки, а «сорбозы» проверяют и берут бакшиш.

– Спроси – сколько человек этой ночью спустилось с гор и находятся в кишлаке?

Пленный, разминая затекшие руки, ответил:

– Несколько отрядов по 20–30 человек в каждом. Вооружены.

– Ничего себе, – воскликнул я, – вот бы прессанули, вляпайся им!

Ответ «языка» вызвал холод не только в кишках, переглянувшись с Сашкой, мы поняли – пленный давал информацию особой важности.

– Товарищ лейтенант, «духовские» отряды к вечеру должны быть в Кабуле, – уточнил Сафаров.

– Понял, Сергей, понял.

В голове стучали молоточки – действия группы по варианту быстрого отрыва, возможно, спасли нас от гибели в снежной долине. Кто его знает, может, «духи» пытались устроить погоню, но опоздали с перехватом у Черной горы, впрочем, это уже из области лирики. (Пройдет чуть более года. Командуя разведывательной ротой 350-го гвардейского парашютно-десантного полка, именно здесь, в Тарахейле, я со своими разведчиками встречусь в бою с группировкой противника, которую мы будем уничтожать в течение нескольких дней. Будут раненые, убитые...) Сегодня же мы выполнили очередное задание командования по захвату «языка», чтобы получить информацию о намерениях противника.

– Сергей, ты понял, какого мы взяли «душка»?

– Да уж, товарищ лейтенант, – кивнул заместитель.

– Береги его, как зеницу ока, и держи рядом с собой.

– Понял.

– Давай к ребятам, скоро на базу.

– Есть.

Александр был весь на иголках, едва дождался, когда я отправлю сержанта к разведчикам.

– Давай быстрее, – толкнул меня в бок, – скоро машина.

Хозяин лихо плеснул в кружки желто-зеленую жидкость – шароп. Ну, и... черт с ним.
– Валер, давай.

Опрокинули в рот самогон, вызывающий рвотный рефлекс, но ничего, прокатилось. Чего уж там, сейчас все пойдет...

– Саш, давай Мажмунова, пусть покрутит «душка», глядишь, что-нибудь и накрапает.
– Дневальный! Мажмунова, – крикнул взводный.

Прикрыв глаза, я прислушался к себе – шароп разносил по жилам мерзкую дурь. Что же получается? «Духовские» отряды спускаются с гор и размещаются перед самым Кабулом. Таким образом, в кишлаках образуются перевалочные базы, пункты сбора для последнего броска в столицу. В них же складировается оружие, боеприпасы, задействуются жители для операций в Кабуле. Одним словом, оппозиция готовит активные действия.

– Товарищ старший лейтенант, прибыл майор Скрынников, – доложил начальнику заставы вбежавший в землянку сержант.

Пытаюсь вскочить, чтобы доложить начальнику разведки, но едва получилось встать, ноги не слушались. Совсем не ожидал, что Михаил Федорович лично прибудет за группой. О «языке» он знает, видимо, хочет сам допросить, а то армейская разведка заберет к себе в штаб и оставит нас без информации. Кое-как вышли наружу. Михаил Федорович направлялся в нашу сторону.

– Товарищ гвардии майор, разведывательная группа боевое задание выполнила. Произведен захват «языка» и первичный допрос. Потерь не имею. Командир разведгруппы гвардии лейтенант Марченко.

– Валер, ты молодец, конечно, но я-то всю ночь не спал, – хитро улыбаясь, жал мою руку начальник.

– Знаю, товарищ майор, но у меня ночь тоже была вроде как без сновидений.

– Не подначивай старого майора.

– Никак нет! Как можно? Да и какой вы старый?

Скрынников повел носом.

– Успел?

– Немного, камкам (чуть-чуть).

– За что тебя люблю – не врешь.

Какой «не врешь» – шаропом несло за версту.

– Устали?

– Не то слово, товарищ майор, едва стою.

– Ну, ты – это ладно, а народ?

– В порядке, выдержали. Надо представить к наградам.

– Давай «языка» посмотрим, а там разберемся.

– Есть. Баравков, «языка» на КП начальника заставы.

Подмигнув Александру, я обратился к начальнику:

– Товарищ майор, не возражаете, если переводчиком будет Мажмунов – солдат с заставы, таджик, призванный из забитого кишлака – он больше расположит «земляка» для беседы.

– Давай.

Александр вызвал на КП лучшего «друга» разведчиков, куда вскоре прибыл Баравков с пленным душманом. Начальник разведки сходу взял «языка» в оборот, но минут через десять допрос прекратил.

– Валера, твой душман – бесценный кадр, его нужно в разработку. Он дает такую информацию, на которую необходимо реагировать сегодня, сейчас, иначе мы опоздаем по многим позициям.

– Понял, товарищ майор.

– Быстро в штаб дивизии, – дал команду Михаил Федорович.

– Гена, в машину!

Махнул Баравкову рукой. Геннадий уже понял задачу, потянув пленного к выходу с КП командира взвода. Повернувшись к Александру, я пожал ему руку:

– Спасибо, Сань, кажется, оживаю. Удачи тебе и прими меры к «бородатым парням». Все слышал сам, сметут неожиданной атакой. Кстати, что-нибудь есть по работе с «бачатами»?

– Так, отдельные намеки, но всего-то пару деньков работаем. Маловато.

– Хорошо, не скучай, дружище, – хлопнул Александра.

На базе встретились с Тютвиным.

– Знаешь, Валер, когда прикинул по времени, что ты уже в кишлаке, заволновался – у тебя пауза в передаче сигналов оказалась большой.

– Так получилось, Коля...

– Да-а-а, ночью в горах жутковато, представляешь, Валер, ветер воет в скалах, за каждым камнем мерещатся «духи».

– Еще как представляю! Мне и сейчас душманы мерещатся, а ты говоришь в горах... там в любую секунду атака...

Под вечер, проснувшись бодрым и здоровым, я потихоньку размялся. Но как болели ноги! Старшина за столом сверял материальные запасы роты по приходным и расходным книгам, составлял меню на прием пищи личным составом. Толик Родин, о чем-то мечтая, лежал на кровати и вяло переговаривался с Корибицыным. Больше в расположении никого не было.

Умылся, побрился – надо заглянуть к разведчикам.

– Коля, я у своих.

– Давай.

Расположение взвода через пару палаток, рядом. Часть разведчиков готовилась к службе в наряде, другие писали письма, отдыхая в курилке, обсуждали последние новости.

– Товарищ гвардии лейтенант, во время вашего отсутствия происшествий не случилось, – доложил Сафаров.

– Хорошо, Сергей, покушали?

– Так точно.

– Как самочувствие народа?

– Нормально, вот ноги гудят.

– Гудят, Сергей, гудят! А что делать? Возьми «таблетку» и проверь ноги бойцов, проследи, чтобы ногти обрубили. Командир роты в штабе дивизии, похоже, по нашим делам... может, еще и сегодня махнем за хребет.

– Понял, товарищ лейтенант. Начальник разведки не ругался, что на связь выходили нечасто?

– Да, обошлось, он же понимает и волнуется не меньше нашего.

– Вчера, когда вы стреляли «духов», было слышно, как пули пробивали тела – «плюх», «плюх»...

– Мне тоже показалось, Сергей, – нервный озноб коснулся лопаток, – а вы с Геной молодцы, сработали быстро и чисто, я краем глаза видел, как дернули «духа». Дальше работал на «автомате»... Хорошо, кучкой шли, а если бы еще находились внутри?

Помолчали с заместителем, заново переживая прошедшую ночь.

– Повезло, Серега, ушли, а ночью в кишлак спустилось до сотни «духов».

– Получилось же вроде нормально, товарищ лейтенант?

– Если сидим с тобой и разговариваем, то – да, нормально, но нужна наработка нескольких вариантов с гранатами. В кишлаке они сгодятся, и знаешь, почему?

– Нет.

– Первых двух «духов» я валил мгновенно, но третий реагировал на опасность, правда, не успел – пуля быстрее. Получается, что по трем целям работаю на одном дыхании, но следую-

щие уже способны к защите, сопротивлению, значит, нужна подстраховка. Ладно, Сергей, что-нибудь придумаем, а расклад сложился, как надо – действовали быстро и решительно, почти по «домашней заготовке». В разведке везение необходимо, но рассчитывать на него глупо.

– Да, товарищ лейтенант.

– Пойдем к парням, поговорим.

– Здравия желаем, товарищ гвардии лейтенант, – приветствовали разведчики.

– Вольно. Садись. Продолжай, Архипов, посмеемся вместе.

– Он иссяк на Сокурове, товарищ лейтенант.

– Тогда поговорим о дембеле, – разведчики опять засмеялись.

Дембель неизбежен, кто этого не знает? О нем можно говорить сколько угодно.

– Дембель, товарищ лейтенант, это о-о-о... – продолжил Сокуров, закатив глаза за уши.

Володя – импровизатор, сощурившись в улыбке, может долго философствовать на свободные темы.

– Время быстро летит, ребята! Меня, кажется, совсем недавно провожали в армию, а уже 7 лет на службе. Вот такая штука – время, не останавливаясь, движется вперед. Мы взрослеем, мужаем, становимся старше. Мудреем.

Разведчики, придвинувшись ближе, устроились на табуретках и соседних кроватях. Продолжаю неторопливый разговор о службе, доме и вообще о своем месте в жизни.

– Мечтал я стать офицером-десантником – стал им. Горжусь, что связал свою жизнь с ВДВ. Вы также будете вспоминать службу в десанте, рассказывать друзьям, близким, знакомым.

Помолчали, каждый, думая о своем, сокровенном.

– Кто-нибудь думал о военном училище?

Тишина. Вопрос не то, чтобы завис в воздухе, он был неожиданным и ответ на него не требовал быстрой реакции.

– Я, товарищ лейтенант, – поднял руку Ивонин, – у меня отец военный, буду поступать в десантное училище.

Еще посидели, посмеялись, я рассказал парням о десантном училище, принципах подготовки офицеров ВДВ, системе обучения.

– Рота. Смирно! – послышалась у «грибка» команда дневального – из штаба дивизии вернулся командир роты.

– Сафаров, порядок в расположении. Сейчас отдыхайте. Не забудьте про письма. Проверю.

– Есть, товарищ лейтенант.

Высочив на линейку перед палатками, я увидел Комара с Андрейчуком. Он что-то обсуждал со старшиной.

– Подумаем, – сказал Николай.

– Давай, прикидывай, но баня нужна.

– Понял, Иван Геннадьевич, решим, – старшина пошел к хозяйственному пункту. Несомненно, у Ивана хорошее настроение, значит, в штабе дивизии новости были не самыми плохими.

– Отдохнул, Валера? Как парни?

– Нормально, Иван. Ломает, конечно, но отойдем понемногу.

– Твой «язык» дал такую информацию, что в него вцепилась разведка армии и увезла с собой. Становится ясным положение в Кабуле и контуры намерений мятежного сопротивления.

– В чем же роль «духовских» банд, спустившихся с гор?

– Пленный показал, что за последние дни в Кабул просочилось большое количество боевиков, одним словом, вскрылись серьезные планы «духов» по столице Афганистана. Они про-

водят мобилизацию местного населения, сосредотачивают их в городе, вооружают, в итоге готовят восстание по свержению правительства Кармалы.

– Душман говорил, что просачиваются в Кабул и собираются в отряды, строят планы – все так и есть, Иван. Но я думаю вот о чем. Первый этап операции они завершили, то есть вышли на исходный рубеж перед Кабулом и собираются в кишлаках по периметру города. Теперь приступят ко второму этапу исполнения своих намерений – выведут силы на ближние подступы к Кабулу и возьмут столицу в кольцо. Следующий шаг душманского руководства – формирование группировки в столице аналогично «пятой колонне», чтобы в нужный момент взорвать обстановку захватом ключевых объектов.

Комар повернулся в сторону хребта за аэродромом – Паймунар.

– Значит, и там «духи»?

– Ночью, Иван, я спустился к юго-восточной окраине кишлака – в нем я не зафиксировал посторонних... Как бы это сказать? С наступлением ночи жизнь в кишлаках замирает, стоит непробиваемая тишина, слышен иногда отдельный лай собак, крик ишаков. Шум, производимый собаками, животными характерен и мне знаком. Наличие посторонних звуков ночью определяется сразу: скрип дверей, тихий лязг засовов, шарканье ног по улочкам – звуки чувствуются каждой клеточкой тела. Прошлой ночью в Паймунаре стояла тишина. В Тарахейле другое дело, тайную жизнь кишлака мы почувствовали сразу: возня во дворах, перебирание ног копытными, собачий лай, тени, запах дыма, жилья. Совершенно понятно, люди не спали, что-то делали, кишлак поздней ночью жил своей жизнью.

– Возможно, «духи» еще к Паймунару не вышли, подойдут сегодня, завтра?

– Вполне.

Ссутулившись, Иван закурил «Столичную» и смотрел на яркий закат, ушедшего за хребет солнечного светила.

– Может, в ночь сходить на север, посмотреть со стороны, и все станет ясно? – осторожно спросил командира.

Комар о чем-то думал и, как бы в никуда, произнес:

– Люди измотаны, Валера, да и у тебя, кроме глаз, ничего не осталось.

– Ночью в направлении Баграма Тютвин наблюдал световую информацию, возможно, это сигнал выхода на исходный рубеж.

– Ладно, Валера, отдыхай, готовься на завтра, не будем горячиться.

– Понял, Иван, пойду-ка напишу письма.

А из головы не выходила информация от Тютвина. Вчера он отметил световую передачу сигналов, но кишлак не вызывал беспокойства ни у нас, ни у штаба дивизии. Теперь стало понятно – «духи» стягивали силы к Кабулу, обмен информацией у них носил рабочий характер. Душманские отряды придут в Паймунар не сегодня-завтра. Если этот факт зафиксируем разведкой, дело хреновое: с одной стороны, подтвердятся мои опасения, что противник стягивает силы к Кабулу, и в столице Афганистана назревают события, с другой – базовый городок 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и Кабульский аэропорт становятся объектами внезапной атаки душманов.

Именно поэтому кишлак Паймунар и территорию вокруг него необходимо проверить не позднее следующей ночи. Местность открытая, но она изобилует множеством не очень глубоких оврагов, которые играли роль ирригационной системы и подводили воду к виноградникам, раскинувшимся в долине на десятки километров. Еще был важный момент – дневная разведка района мраморного карьера. Зацепимся взглядом за груз вьючных животных, досмотрим, страхуясь группой прикрытия. Не исключено, что караваны с оружием сопровождаются «духовской» охраной в скрытом режиме, которая находится рядом с обозом и до поры до времени себя не проявляет. Она отслеживает действия афганских сорбозов, «шурави» и включается в бой только, если ситуация выходит из-под ее контроля. Но каким же образом мне с

группой включиться в работу? Пойдет ли на это комдив? Посты афганской армии проверяют транспорт, гужевые повозки, следующие в Кабул и надо быть очень аккуратными в выборе места захвата и принятия мер противодействия, чтобы не нарваться на пули «зеленых».

– Рота. Смирно! – крикнул за палаткой дневальный.

Из штаба дивизии прибыл ротный. Забежав в палатку, Иван спросил на ходу:

– Не обедали?

– Тебя ждали, Иван Геннадьевич.

– Обедаем, заодно поделюсь новостями, – снимая портупею с фуражкой, сказал командир.

Сели за стол, из общего котла разлили первое. Комар начал делиться последними событиями, которые обсуждались в дивизии.

– В штабе суета, господа. Разведданные по Тарахейлю дали основания к принятию срочных мер по нейтрализации мятежного подполья. Ожидается, что в ближайшее время в городе вспыхнут волнения, которые могут перерасти в вооруженное сопротивление частям правительственной армии. Принято решение – советские войска поддержат афганские регулярные силы в ликвидации вооруженного подполья. Особое внимание уделяется объектам государственной важности: посольствам в Кабуле, аэродромам, объектам зоны ответственности.

Иван, отхлебнув наваристого супа, продолжил:

– Валера, завтра в ночь на Паймунар, задача прежняя – разведка противника на рубежах предполагаемых атак.

– Есть, Иван Геннадьевич.

– «Язык» остается важной составляющей! Валера, дерзай! «Твой» «душок» дал серьезные показания, которые проверяет ХАД и наши чекисты.

Мы молча слушали Комара, пили чай вприкуску с сахаром, каждый из нас, командиров, думал о вопросах, которые необходимо было решить в ближайшее время. Сколько осталось этого времени? Никто не знал!

– Вот, кажется, и все, – закончил Иван, – почту я отдал дежурному.

Глава 9

Планируя выход к кишлаку Паймунар, я прикидывал возможность подхода к населенному пункту с дальнего направления, то есть со стороны кишлака Ходжачишт, чтобы не «засветиться» «духам», которые реально могли этой ночью прийти в кишлак. Местность перед кишлаком была открытой равниной, пересеченной руслами высохших арыков, засыпанных снегом, и она, к сожалению, не располагала к скрытому выходу к глиняным строениям. В любом случае мною учитывался ветер, подветренная сторона, чтобы не вызвать лай афганских овчарок ростом с теленка. Засаду лучше всего организовать в русле одного из арыков, пересекавших долину и подходивших к окраинам населенного пункта.

Всегда допуская внезапную встречу с противником, я рассуждал: нарвемся на «духов», прикроемся руслом речонки и вернемся к предгорью хребта – пусть ищут в каменных скалах, но нас они там уже не найдут. В кишлак я не полезу. Второй раз через сутки лезть к «духам» в тылы – явная дерзость, поэтому только визуальная разведка и немного послушаем ночь. Если «духи» оседлали кишлак, мы их услышим по возне и рабочему шуму: движение людей, животных, запах дыма, беспокойство собак – эти явные признаки скрыть невозможно.

Можно, конечно, выбрать и «ленивый» вариант: с линии хребта Ходжабугра – Ходжа-Раваш понаблюдать за кишлаком и не спускаться вниз на обратную сторону горной гряды, а выючных животных, которые выйдут из кишлака на рассвете в направлении Кабула, подвергнуть досмотру. Если повезет, сделаем несколько удачных захватов, нет – уйдем восвояси. Но в случае успеха «духи» поймут механизм перехвата и будут искать другие пути переброски оружия в город. Работа разведки дивизии ограничивалась рамками того, что мы видим, слышим и какую информацию вытянем из захваченных в плен «языков» – это откровенно немного. Нам нужна информация из самих кишлаков, «духовских» баз, чтобы действовать на упреждение намерений противника и проводить результативные операции захвата или уничтожения «духовского» подполья.

Однако такая деликатная информация добывается агентурной разведкой методами специальной деятельности внутри мятежного подполья и «духовских» банд. Для мероприятий по разработке душманских отрядов необходимо взаимодействие местного подразделения ХАД с нашими специальными службами. Что делает хваленый «Каскад» в настоящее время? Мы много раз встречались с представителями этой спецгруппы, но они не создали у нас впечатления рейнджеров – в возрасте, склонные к полноте ребята, они явно служили в тиши кабинетной прохлады, оснащенной кондиционерами. Нам же нужны были рэксы бойцовой породы, способные ломать хребты «духовской» своре. Войсковая разведка способна отгрызать душманские головы, но для этого нужно взаимодействие со специальной разведкой в проведении совместных операций. Нам катастрофически не хватало информации из нутра душманского логова, которую мы бы реализовывали в ходе специальных операций.

С первых дней нахождения на афганской земле разведка 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии решала задачи получения достоверной информации о противнике, характере его действий, проводила специальные разведмероприятия, раскрывавшие намерения душманских лидеров. Мы проводили засадные действия с захватом «языков», от которых получали сведения об отрядах вооруженной оппозиции, первичную информацию перепроверяли другими источниками, уточняя с данными авиационной разведки. В проведении специальных операций мы стремились максимально сократить время от получения информации из источника до момента ее реализации.

Мысли прервал телефонный звонок.

– Старший лейтенант Комар, слушаю.

Около пяти минут Иван говорил по телефону – уточнял, переспрашивал, периодические повторяя однозначные фразы.

– Понял, товарищ майор. Да. Так точно. Сделаем. Никак нет. Все будет нормально.

Положив трубку ТА-57, Иван повернулся ко мне.

– Валер, для тебя новость от шефа. Вернее, две.

Приподнявшись с кровати, я смотрел на Ивана.

– Одеваться?

– Да погоди ты, не спеши, как голый на е...ю. Завтра в районе боевого охранения твоего друга «зелёные» выставят пост для досмотра грузов, которые следуют в Кабул. Будут работать по нашей информации и просьбе командования армии на предмет изъятия у «духов» оружия и боеприпасов.

– Реагируют быстро, значит, печет. Вот бы отслеживать караваны на подходе к Кабулу, вести их в город и брать в удобных местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.